

**РОБЕРТ М. ВЕГНЕР**  
**КРАСИВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ВСЕХ ВРЕМЕН***(Robert M. Wegner – Najpiękniejsza historia wszystkich czasów)*

Город был разрушен. Не так, как сравнивает города с землей ковровая бомбардировка, но вовсе и не так, как искалечивает городскую ткань длительный артиллерийский обстрел. Война, пришедшая на окраины города, была войной современной, войной разумного оружия, мыслящих снарядов, автоматических истребителей и боевых роботов. Подобная война уничтожает города, словно сумасшедший хирург, вырезающий из здорового организма важнейшие органы. Электростанция, водопровод, радио- и телевизионные станции – пали в течение нескольких первых часов. Многотысячная масса обитателей, лишенных электричества, воды и доступа к информации, вытекла из города и двинулась на запад, попеременно подталкиваемая волнами паники и отчаянной надежды. Лишь бы подальше от надвигающейся армии, лишь бы поближе к союзным войскам, несущим спасение и освобождение.

Обе армии дошли до города одновременно. Одна окружила его с востока, другая – с запада. Было объявлено перемирие, ненадежное и хрупкое, и никто из командующих не желал рисковать ведением боевых действий. Только предметы, время от времени, еще взрывались канонадой, подрывами уничтожаемых боевых автоматов, разрывами дальнбойных снарядов. Центр города война, до времени, обошла. И тот расцвел своей собственной жизнью.

\* \* \*

Двое парней и девушка сидели перед старым, помнящим еще времена Герека<sup>1</sup> крупноблочным домом. Они лениво подставляли лица лучам полупуденного солнца и неспешно разговаривали.

- Этот придурок Греверс снова сегодня звонил. Спрашивал, можем ли мы добыть какие-нибудь части русских Жаб. Якобы, вчера американские истребители развалили парочку, к югу от реки.

Отозвавшемуся парню на вид было лет семнадцать-восемнадцать. Он носил грязные джинсы, начищенные до блеска военные ботинки и противоокольный жилет, надетый на голое тело. Татуировки покрывали его руки и большую часть мощной грудной клетки. Светлые волосы он пристриг всего лишь до пары сантиметров и поднял торчком.

- Не скули, Лукаш... И не порть настроения, - буркнула девушка. – Сегодня у нас именины, помнишь? А уже потом будем беспокоиться тем уродом.

Она придвинулась ко второму парню и положила голову ему на плечо. Тот только улыбнулся. Он представлял собой полную противоположность блондину – худощавый, темноволосый, со светлыми словно летнее небо глазами. Великоватый, размера на два, военный мундир молил, чтобы зашить многочисленные разрывы, только хозяину это явно не мешало. Выглядел он самым младшим из всех троих.

- Завтра проверим, осталось ли хоть что-нибудь от них, - буркнул он себе под нос и погладил девушку по голове. Если только Греверс сообщит нам месторасположение. Не станем, как в последний раз, три дня лазать по развалинам, словно идиоты.

Он замолк, давая понять, что тема исчерпана.

Тишину прервал отзвук шагов.

- Пан комендант, Бодек только что доложил, что с русской стороны к нам направляется какой-то солдат.

Темноволосый измерил старшего, чем он сам, мужчину мрачным взглядом.

- Я же просил, пан Мариан, чтобы вы не называли меня комендантом.

- Какой-то порядок быть должен, - на бородатом лице подошедшего появилась робкая улыбка. – Опять же, ты сам, Куба<sup>2</sup>, командовал, что как только русские будут на виду, переходим на военный режим. Вот теперь и имеешь "коменданта Якуба".

Парень нежно чмокнул девушку в щеку.

- Желаю всего наилучшего в день именин, Кася<sup>3</sup>. Какой тебе хочется подарок?

Та легко усмехнулась.

- Мне хотелось бы, чтобы сегодня все обошлось без стрельбы. Только не в мои именины.

Темноволосый парень отдал ей шутливый салют.

- Так точно, пани комендантша! – после чего повернулся к прибывшему. – Идет сам?

- Бодек говорит, что ведет какую-то девушку.

- Девушку?

- Да.

Парень наморщил брови.

- Странно, холера. Даже не странно – невозможно. Пан Мариан, тихая тревога, женщин и детей в подвалы, боевые дружины выдвигаем на посты. Это может быть какая-то лажа. Лукаш, идешь?

<sup>1</sup> Эдвард Гёрек (польск. *Edward Gierek*) (6 января 1913, с. Поромбка, Силезия, Германская империя — 29 июля 2001, Цешин, Силезское воеводство, Польша) — польский политический деятель. Первый секретарь ЦК ПОРП (1970—1980). В 1981 году короткое время находился в заключении — Википедия.

<sup>2</sup> Польское видоизменение имени Якуб – Яков – Прим.перевод.

<sup>3</sup> Уменьшительное от Катаржина (*Katarzyna*) - Катя – Прим.перевод.

- Ясное дело, или что, буду тут сидеть сам, - блондин поднялся с улыбкой, отрепал штаны. Если учесть количество уже украсивших их пятен, в этом жесте не было ничего, кроме привычки.

Девушка засмеялась и тоже встала.

- Тогда я проверю, как там в госпитале. Быть может, после возвращения моим героям нужно будет где-нибудь прилепить пластырь.

Якуб уже на бегу погрозил ей пальцем и помчался в сторону дома.

\* \* \*

Четверо детей сидело в углу подвала и вело шепотом оживленные переговоры. Дело было серьезное. Вопрос заключался в том, кто будет сегодня Стражем Света. То есть, говоря языком взрослых, кто будет держать старый фонарь. Дети выглядели лет на шесть-семь и были на удивление чистенькими, хорошо питающимися для жизни в осажденном городе. Два мальчика и две девочки. Если бы кто-то спросил, ответили бы, что они сироты. Только, естественно, никто не спрашивал. Все жители прекрасно об этом знали.

Переговоры как раз вступали в фазу битья по голове, кусания и царапаний. И все в полном молчании.

- Это что здесь происходит?

В круг света, отбрасываемый вырываемым фонарем, вступил взрослый. На бородатом лице блеснула улыбка.

- Рыцари джедаи сражаются одним-единственным мечом?

Ему ответило четыре изумленных взгляда.

Ладно, ребятня, считаем, что вопроса не было, - вздохнул тот. – Не можете решить проблему фонарика другим образом? К примеру, бросить жребий?

- А они обманывают, - прошептала под нос самая худенькая из девочек. – Когда бросаем монетку, им всегда выпадает орел. А они говорят тогда, что орел – это их, потому что они мальчики.

Мужчина окинул мальчишек быстрым взглядом. Один из них был рыжим, словно та морковка, второй побрил голову налысо.

Оба нагло усмехались.

- Хммм... Где-то пару недель назад пан Хенрик пришел ко мне и рассказал про таких умников, которые попросили его сошлифовать две монеты по злотому до половины толщины. Он это сделал. А вы склеили их вместе?

Усмешки как ветром сдуло.

- Шесть баллов за смекалку, кол за этику. В среднем, три с половиной. Отдайте фонарик девочкам.

Устройство, хотя и с определенным замешательством, поменяло владельцев.

- Хорошо, - мужчина без особых церемоний присел на полу вместе с детьми. – Комендант отправился в город проверить, не готовят ли нам русские какую-нибудь неожиданность, так что у нас есть немного времени. Что хотите делать?

Дети глянули друг на друга, на их лицах появились робкие улыбки.

- Рассказ? – спросил самый меньший из мальчишек.

- Снова, Марек? У меня ограниченное число рассказов, и мне не хотелось бы истратить их слишком быстро...

- Ну пожаалуста, пан Мариан...

- И вы обещали, что закончите...

- Тот самый, про короля с королевой, - шепотом закончила младшая из девочек.

- Хмм, именно тот самый? Ну, конечно. Раз обещал, значит, должен сдержать слово, - со скрываемой улыбкой продолжал жаловаться мужчина. – А помните, как тот рассказ назывался?

- Даааа, - ответил ему хор голосов. – *Красивейшая история всех времен!*

- Прекрасно. И на чем я в последний раз закончил?

- Король объединил страну и победил захватчиков...

- И ввел мир...

- ...порядок и справедливость.

- Хорошо, дети, - мужчина, которого называли паном Марианом, огляделся, придвинул себе небольшой табурет и уселся напротив детей.

- Так мне будет удобнее. А ты, Нико, что помнишь?

- Он полюбил королеву, и жили они долго и счастливо.

- Превосходно. Долго, может, и нет, но вот счастливо – это точно. Так счастливо, как только это было возможно в те времена.

И он начал с прерванного места.

- Все начало усложняться, когда молодой король встретил на своем пути одинокого рыцаря. И встреча их была весьма необычной...

\* \* \*

Русак был один. Его не сопровождал взвод дружков, ни отделение боевых автоматов, ни эскадра вертолетов. Передвигался он осторожно, перескакивая от одной кучи мусора к следующей, разглядываясь по сторонам с готовым выстрелить оружием. У него был АКГ-90а, автомат-гранатомет, подключенный к полупрозрачному забралу, закрывающему лицо. Помимо того он носил тяжелый противоосколочный жилет, наплечники и набедренники, подтяжки, пояс с боеприпасами,

фляжку, рюкзак. Все снаряжение должно было весить килограммов с тридцать, но, казалось, это его совершенно не сдерживало.

Сдерживала и тормозила его девушка.

Она шла в нескольких шагах сзади, медленно, безвольно, летнее платье было порванным и грязным, волосы клелись от пыли. Иногда она приостанавливалась и обводила вокруг себя взглядом кого-то, кто до сих пор находится в каком-то невообразимом кошмаре. Тогда солдат тоже приостанавливался, не подгонял, а только терпеливо ожидал, пока девушка не пойдет дальше сама.

- Спешки нет, - Лукаш быстро глянул на командира. - Можем снять его в полсекунды.

Якуб, спрятавшийся на втором этаже сожженного дома, не отрывал взгляда от странной пары. По их причине он вытащил из дома десяток человек, а остальных поставил на уши. Теперь все это казалось совершенно излишним. Эта парочка не доживет до вечера. Если их не прикончит какая-нибудь мина, наверняка это сделает какая-нибудь из городских банд. Он огляделся, несколько его ребят скрывалось в окрестных развалинах. Стволы автоматов со смертельной терпеливостью перемещались за чужаком.

- Куба, а за такую девяносто-эфку, что у этого урода, Старик в последний раз давал пять сотен. Если добудем исправный шлем с забралом, получим еще столько же. Легкие бабки.

Солдат перескочил через низкую стенку и исчез с другой стороны. Девушка остановилась, как вкопанная. Какое-то время она водила взглядом по окружающей ее свалке, после чего уселась на земле и застыла.

Якуб поднял руку. Теперь они могли снять чужого, не рискуя подстрелить девушку.

Солдат появился снова, подошел к девушке и присел. Оружие он отложил в сторону. Медленно отстегнул от пояса фляжку и приложил к ее губам. Произнес несколько слов, осторожно отвел волосы с ее лица. Якуб ожидал с поднятой рукой и глядел.

Рядом с ним нетерпеливо заерзал Лукаш.

- Так как, Куба? Нам его снять?

- Пускай никто не стреляет.

Приказ отправился по цепочке всем остальным членам группы.

- И что теперь? - блондин не любил подобных ситуаций.

- Поговорим.

- С ним? Зачем?

- Во-первых, я кое-что обещал Каське. Во-вторых, мне кажется, это дезертир. Наверняка идет к американцам.

- Так что? Нам спеть ему Merry Christmas, или чего-то такого?

- Неплохая идея. С удовольствием как-нибудь послушаю, как ты поешь. Но сейчас я иду с ним переговорить.

- Оупупел, - это было, скорее, утверждение, чем вопрос. Якуб пожал плечами. Он и сам толком не мог сказать, почему это делает.

- Возможно. Пускай никто не стреляет.

И он пошел. Громко шаркал ногами, поднимая кучу пыли, и вообще, шумя настолько, насколько это удавалось. Так что не удивился, когда, выйдя из подвала, увидел нацеленное в лицо оружие. Русак стоял между ним и девушкой, заслоняя ее собственным телом. - Дурак, промелькнуло у Якуба в голове.

- Ты кто такой?

Солдат говорил с явным восточным акцентом, но понятно. Якуб видел только нижнюю часть его лица, рот, подбородок, фрагмент посиневшей от темной щетины щеки. Все остальное заслонял шлем и матовое забрало. Многие он дал бы, чтобы поглядеть чужаку в глаза. Из глаз человека, целящегося в тебя, многое можно вычитать.

- Командант Якуб. Несколько моих людей держит тебя на мушке, так что было бы лучше, чтобы ты не делал резких движений, хорошо? Было бы лучше, если бы ты вообще положил оружие.

Русский был вышколен хорошо. Он не огляделся по сторонам, не повел стволом по окружающим руинам.

- Мое оружие не любит валяться на земле, - тихо буркнул он. - Чего хочешь?

Якуб оперся о ближайшую стенку и скрестил руки на груди.

- Ты на моей территории. Сюда ты попал сам, без коллег или боботов. Ты ведешь девушку, которая явно понятия не имеет, что вокруг нее творится. Живешь ты только лишь потому, что на нее не орешь, не бьешь, но явно о ней заботишься. Спрошу всего раз, а потом уже решу, не приказать ли тебя убить. Что ты тут делаешь?

Русский на минуту застыл, после чего медленно опустил ствол и стащил с головы шлем. У него были коротко стриженные темные волосы, прямой нос, черные глаза. Якуб был рад тому, что не видел этих глаз раньше. Из них било такой бешеной решительностью, что наверняка бы приказал застрелить хлопца еще раньше. Чисто из профилактики. То, что он принял за щетину, оказалось громадным синяком, украшающим всю левую щеку солдата.

- Михаил Сенкевич. Рядовой. Номер два, пять, восемь, а, зет...

Якуб прервал его жестом руки.

- Прекращай. Мы - "городские крысы", а не армия. Ты же не сдаешься в плен, а только дерешься за собственную жизнь. В самом буквальном смысле слова. Ты поляк?

Солдат кивнул.

- Из Белоруссии.

- И что? Бежишь к американцам, чтобы вступить в польскую армию и драться за отчизну? Тебя взяли в солдаты силой, а ты не желаешь стрелять в своих? Так? Думаешь, кто-то на подобную сказку купится?

Якуб видел, как из глаз солдата стираются бешенство и гнев. Он пригляделся к нему повнимательнее, если бы не мундир и оружие, чужак выглядел бы словно его ровесник. Или даже моложе.

- На самом деле я...

- И что с того? Ты не первый. Только америкосы каждого беглеца мурыжат так долго, что от мозгов остается только консервы для собак. Наши, впрочем, тоже. Ведь все знают, что русские делают с семьями дезертиров. Так что лучше уж приготовить себе сказочку получше.

В черных глазах вновь вспыхнул гнев.

- Сказочку? Вот тебе сказочка. У меня нет семьи, я из детского дома, так кого у меня убьют? Воспитателя? Да на срать на него, еще и спасибо им скажу...

Походило на то, что тут его заклинило, и больше он ничего не скажет. Но он набрал воздуха:

- Мой сержант и еще трое других любили побаловаться с местными девчатами, бить их, насиловать, пытать. Для этого у них имелся специальный подвал. Похищали их и там держали. Когда уже девчонка им надоедала, запускали туда любого из роты, за несколько рублей, за пачку папирос, за бутылку водки. Пока та не умирала, - тут он уже выбрасывал слова все быстрее, все громче, с уже явным акцентом. - Меня хотели... мне говорили... ты, *палаяк*, ты у нас новый, так что покажи, что ты наш. А если ты ее не оттрахаешь, мы тебе гранату к яйцам привяжем и так пустим. Ну, я им и показал, штыком... и прикладом, и... и еще стулом. А потом забрал девчонку и пошел. К вам. Или к американцам. А куда мне было еще идти?

Солдат отбросил оружие на землю и сжал кулаки.

- Если не веришь, тогда давай - прямо здесь и сейчас. На кулаки. Победишь меня, тогда убьешь и заберешь все. Если я выиграю - пропустишь меня дальше. Так как?

Он отступил на шаг, оставляя снаряжение на земле.

Якуб расплылся в усмешке. Все это было так безнадежно по-дурному, что даже... здорово. Теперь он мог бы за один раз закончить со всей этой комедией. Вот только... черт, как мог он вернуться домой и сказать Каське, что в ее имени приказал пристрелить какого-то безнадежного романтика.

- Хорошо, - отлеился он от стены. - Выигрывает тот, кто дольше устоит на ногах. Только уж будь добр и сними жилетку. Она будет тебя тормозить, так что перевес будет на моей стороне.

\* \* \*

- Вот так. И это, и вправду, было забавно. Но, насколько я помню, ребята, вы тоже начали свое знакомство с драки. Среди взрослых все оно выглядит точно так же, иногда они попросту начинают бить по головам, чтобы установить, кто из них более храбрый, умный или красивый. Если бы меня кто спросил, точно так же поступают шимпанзе. Во всяком случае, воин - будем называть его первым вассалом, хорошо? - победил молодого короля, причем, на глазах всей его свиты. Только, о чудо, это стало началом настоящей дружбы. Хорошо, а остальное я расскажу вам уже после обеда. Пани Мария будет весьма недовольна, если вы снова опоздаете. Все, все, бегите. У меня ведь тоже обязанности имеются.

\* \* \*

Говоря по правде, ничего у него и не болело. Сначала. Была только дезориентация и чувство ухода от реальности. И еще раздражающее предчувствие того, будто бы что-то пошло не так.

- Не шевелись, - голос Каськи звучал откуда-то сверху. - Шишка у тебя будет с арбуз.

Что-то холодное коснулось его головы. Компресс. Ему ставили компресс. Русак. Вызвал его на кулачный бой. И быстрый же был, сукин сын.

- Так что случилось? - собственный голос звучал так, словно исходил из глубокого колодца.

- Ты захотел драться. Парни говорят, что через минуту он послал тебя в нокаут.

- Помню... псякрев. Сам сказал, чтобы он снял жилетку, которая, якобы, будет ему мешать. Вместо того нужно было приказывать ему надеть еще и свинцовые сапоги... - Тут его что-то тронуло. - Он жив?

- Конечно. Все же слышали, каким был вызов. Один на один, и как выиграет, может идти свободно. Ты сам согласился. И кроме того, только он с тобой справился, тут же начал тебя перевязывать. Рыцарь долбаный.

Якуб еще не пытался открыть глаза, но без труда мог представить, как Каська недоверчиво качает головой.

- Не знаю почему, но это на него похоже. История, которую он мне рассказывал...

- Знаю. Все знают, - тут голос ее изменился. - Я видела девчонку, которую с собой привел...

- Они здесь?

- Угу. Настоял на том, что поможет ее принести. Лукаш забрал у него оружие и запретил шастать по дому, а кроме того - с ним ничего не случилось. Можешь уже открыть глаза.

Якуб попробовал. Каська была предусмотрительной и заслонила окно старыми жалюзи. Тем не менее, почувствовал он себя так, будто по башке трахнули бейсбольной битой.

- Ууу... курва, - Якуб закрыл глаза. - И долго еще голова будет кружиться?

- Если сотрясения мозга нет, через часик должно пройти, - несмотря на легкий тон, в нем чувствовалось беспокойство. - Когда ты падал, ударился головой об камень.

- Что с той девчонкой?

Каська положила ему на голову новый компресс.

- Грязная, избитая, затюканная. Ничего не говорит, только что-то бормочет себе под нос. Не разрешает к себе приблизиться, разве что только он находится рядом. Ее насиловали, множество раз, самым различным образом... И пытали.

Якуб уже видел, как Каська стреляет в людей из винтовки Драгунова и калаша. Он сам был свидетелем, когда она пришла ножом типа, пытавшегося ее изнасиловать, и то, как она бросила бутылку с бензином в открытый люк бевуа, а потом абсолютно спокойно положила выскакивающих оттуда пятеро солдат.

Но вот подобного голоса он у нее еще не слышал.

- Якуб... в конце концов нам удалось раздеть и помыть. То, что у нее между ногами... Там тушили сигареты, резали ножом и посыпали солью... она... Этот Михал отдал ей весь запас неоморфия из своей аптечки, чтобы она вообще могла идти. Я тоже сказала, чтобы ей дали. Она... на глаз ей всего лет тринадцать.

Голос ее сломался.

- Размякла я, Куба. Псякрев. Размякла я рядом с тобой. Перед войной прошла три приюта и четыре исправительных колонии. И не такие вещи видела.

Э, нет, Кася, подумал Якуб. Таких вещей ты не видела. И вовсе даже не размякла.

- Если бы подобные вещи не производили на нас впечатления, малышка, паршиво было бы с нами. Похоже на то, что у нас тут появился самый настоящий герой. Хорошо, что я не приказал его застрелить.

- Хорошо. И что, он может остаться?

- Эй! – Якуб снял компресс со лба и приподнялся на локте. – Что, понравился, признавайся...

Девушка улыбнулась.

- Мне кажется, он такой миленький. Такой... нереальный. Милый, вежливый, словно не из нашей сказки. И девочки говорят, что у него самые заботливые глаза, которые они видели в своей жизни.

- Это какие еще девочки?

- Все, дорогуша. Все.

- Сама, гляди, не втюрься.

Кася рассмеялась.

- Без паники, пан комендант. Я плохая девочка из исправительной колонии, и к тому же боюсь.

\* \* \*

- И что было дальше?

- Он присоединился к ним?

Бородатый мужчина чуть не выпустил ключ. Он уныло глянул на зажатую в тисках часть двигателя, с которой сражался уже добрый час. Самое время на перерыв.

- А где Майя с Вероникой? Ага, вижу, вы уже все.

- Так как? Он остался с ними? С королем?

- Да, Майя. Первый вассал стал наилучшим воином молодого короля. Он решил поехать с ним в замок и служить собственным оружием. Это значит, мечом. Говоря по правде, лично я считаю, что он поступил так, поскольку ему особо и не было куда идти...

\* \* \*

Солдат сидел на невысоком холмике, метрах в ста от дома. Он глядел в пространство и жевал травинку. Якуб присел рядом. Сорвал засохший стебель и тоже сунул себе в рот.

- Красивый вид, а? – указал он на заброшенный, тем не менее, до сих пор красивый парк. – Как будто и не было войны.

- Говорили, чтобы туда не заходить.

- Мины. Наши, русские, американские. Благодаря ним, с этой стороны мы нападения не опасаемся. Каська рассказала мне про девчонку. Кто с ней так поступил?

Долгое время царила тишина. Могло показаться, что даже кузнечики прервали свой безумный концерт.

- Был... один такой майор. Фредеев. Ему нравилось... нравилось делать людям всякие вещи. Девушкам, девочкам. Он выкупил ее для себя у сержанта. Еще перед тем, как мы смогли смыться. Ну вот, когда я убил сержанта с его друзьями, отправился на квартиру майора, чтобы вытащить ее. Но припоздал. Адъютант, лейтенант, не хотел меня пускать. Ну я и его пришел.

- Ага. Ты убил двух солдат, сержанта и двух офицеров, так? Совершенно ты гадкий урод, пан Сенкевич.

- Знаю. Это, наверняка, от отца. До того, как умереть, заставлял меня читать разные вещи, какого-то, гы-гы, Сенкевича<sup>4</sup>. Похоже, какой-то очень дальний родственник.

- В пустыне и пуще? Трилогию?

- Да. И еще Семейство Поланецких.

Якуб оскалился на все тридцать два.

- Крутой гад.

- Ну. – Михал отвернулся. – С ним шуток не было.

<sup>4</sup> Сенкевич (Sienkiewicz) Генрик (1846-1916), польский писатель, член-корреспондент (1896), почетный академик (1914) Петербургской АН. Исторический роман-трилогия "Огнем и мечом" (1883-84), "Потоп" (1884-1886), "Пан Володыевский" (1887-88); "Камо грядеши" (1894-96), "Крестоносцы" (1897-1900) - отмечены национально-патриотическими настроениями, стилизацией в духе изображаемой эпохи, искусством пластической лепки образов. Психологические романы ("Без догмата", 1889-90), новеллы и повести. Нобелевская премия (1905) – Энцикл.Словарь.

- Когда он умер?

- Убили его четыре года назад, во время какой-то демонстрации, когда правительство расправлялось с "польской пятой колонной". Мать умерла двумя годами раньше, так что я попал в детский дом. Только мне исполнилось восемнадцать, началась война, и меня взяли в армию. И все. Вся моя жизнь.

Куба не знал, что сказать. Иногда нельзя сказать ничего умного, тем более, когда кто-то кратко изложит тебе свою жизнь в трех предложениях.

- А я провел в таком пятнадцать лет, - начал он, чтобы прервать молчание. - Ни отца, ни матери не помню. Здесь перед войной был самый паршивый квартал, детский дом, исправительная колония и тюрьма на одной улице. Практически стенка в стенку. Злые языки говорили, что как кто здесь попадет в сиротский приют, то в колонию с тюрьмой попадут, как пить дать. Замкнутая система, говорили, и, по-видимому, что-то в этом было. Большинство из нас даже не могло себе представить, что будет делать после выхода оттуда. Единственными планами, которые мы еще могли строить - это кого и где пришьем, ну и как потратим бабки.

Он выплюнул пережеванный стебель и сорвал следующий.

- А потом пришла война. Двухнедельная кампания - и вдруг русские оказались в пригородах. Эвакуация, паника, каждый желает вырваться из города, прежде чем тот будет окружен. Армия пытается все контролировать, потому что мэр и полицейский комендант смылись самыми первыми, и никакой власти уже нет. Потом армия тоже отступает, неожиданно, ночью. Те, что решили оставаться в городе, ждали, какая армия доберется сюда первой - русская или назовский корпус. Если бы они знали, что здесь будет твориться... Как-то ночью исчезли наши воспитатели, воспитатели из колонии, тюремная охрана. Когда же заключенные вырвались на свободу... - Якуб гневно скривился, воспоминания оказались слишком живыми. - Скажем так, татуированные дядьки очень быстро перестали мне импонировать. Они расползлись по всему городу, убивали, грабили, насиловали. Никто из оставшихся не мог чувствовать себя в безопасности. В первый день нам еще повезло, потому что между нами и тюрьмой была колония, и там была пара девчонок. Им бы смыться, но когда тебе некуда идти, ты остаешься. Как и мы сами. Странно, не так ли? Перед войной мы все мечтали оттуда вырваться, но потом большинство пацанов предпочитало сидеть по комнатам.

- Вам следует покинуть город, идти на запад.

Якуб кивнул.

- Возможно. Только ведь тогда мы этого не знали. Не знали, что случится. Говоря по правде, первые дни это была настоящая эйфория, свобода рулез и тэ дэ. Когда ты всю жизнь торчишь в детском доме, когда тебе говорят, когда тебе спать, жрать и срать, сложно сразу же проявить инициативу и делать то, что нужно. А кроме того... - он скривился, - у нас тут имеется доступ к Нэту и спутниковому телевидению, так что нам известно, что творится в лагерях для беженцев. Даже американцы говорят, что это типичный польский бардак, грязь, вонь и бедность. Сто тысяч драных палаток, и если не дашь на лапу или не подставишь задницу, то не поешь и не поспишь в сухом. Как ты думаешь, у кого было бы время да и охота заниматься бандой сирот из задрюпанного города?

Он сделал глубокий вздох.

- Так что мы остались. И вдруг оказалось, что я и Мыша самые старшие, и что у нас на шее сорок короedов. На третий день к нам пришли три бандита. Меня тогда на месте не было. Искал, чего бы пожрать. Они позабавились и ушли.

Он замолчал. Попытка вспомнить, что испытал, когда вернулся в детский дом, оказалось слишком трудной. Память отказывалась сотрудничать, слова рвались и не клеились.

- Далеко они не ушли... Нажрались и расположились в какой-то малине. В подвале... Мы этот подвал нашли. Закрыли двери. Через окошко я забросил вовнутрь три бутылки с бензином. Даже не помню, кричали они или нет. Не помню, слышен ли был смрад горящего мяса. Про тот вечер ничего не помню. Кроме ярости, - он мрачно скривился и уже более спокойным голосом продолжил. - Ярость, гнев бывают плохими советниками. Их дружки узнали, что я сделал, пришли к нам вшестером. Шестеро бандюг, вооруженных ножами и битами - и сорок человек малышни. Тогда нам помогли три девчонки из колонии. Те самые, которых те посетили раньше. Четверых мы убили, двоим едва удалось смыться. Мы же потеряли семерых наших.

- Вы правильно сделали, - Михал сплюнул прямо перед собой.

- Знаю. И как раз тут началась "странная война". Русские окружили город с востока. Американцы - с запада; в центр никто не вошел. Нам стало известно, что мы остались сами, а ведь это был момент, когда даже русские оккупационные комиссары казались нам лучше, чем бандиты. И вот тут разошелся слух, что говнюки из приюта убивают уголовников, - Якуб вздохнул и замолчал.

Через пару минут продолжил.

- Сначала к нам въехал пан Мариан. Перед войной у него была собственная фирма, автомобильная мастерская или что-то такое, бандиты разворовали все, что у него было. После него, старуха Гронкова, аптекарша, потом Гржелак с семьей, Матейчак, бывший учитель, с женой и бабкой. Пришел Новак, мусор, которого выгнали из полиции за пьянку. Вот он нам по-настоящему пригодился. Показал, где в отделении тайник с оружием. Теперь у нас на руках была пара старых калашей, пэзмов и много пистолетов. Дымовые гранаты и со слезоточивым газом. Боеприпасы. Когда бандиты пришли снова, я уже не игрался ни в какие переговоры, а только приказал стрелять.

Якуб засмотрелся вдаль.

- Это было почти как убийство... Мы метнули гранаты со слезоточивым газом, а потом спокойно расправились со всей группой. Двенадцать покойничков. Тогда мне хотелось... похоже, хотелось сделать это один раз, но порядочно, очистить район, прогнать их навсегда. В тот же самый день я собрал парочку парней и мы отправились в "Старую Пивоварню", забегаловку, где расположились дружки из Синих Ушей, самой крупной тюремной банды. Никаких торгов не было. Мы влетели вовнутрь и начали стрелять... Двадцать два трупа. - Якуб криво усмехнулся. - И вот тогда родилась сплетня, будто нас

поддерживает команда "Гром", затаившаяся в городе с целью наблюдения за русаками. И неожиданно всех бандюг из нашего района словно вымело. То ли разбежались, то ли присоединились к другим бандам. К нам стало приходить все больше людей, и я сделался комендантом Якубом. Местной законодательной, судебной и исполнительной властью. Даже сам не знаю, как оно так случилось.

Якуб повернулся, указал на старый, четырехэтажный блочный дом, что был у них за спиной.

- Наша штаб-квартира. Племенное укрепление, замок, называй, как хочешь. Старое рабочее общежитие. Мы заняли его, потому что в нем самые глубокие подвалы, и отсюда, в случае чего, можно легко смыться. Настоящая крысиная нора... Или дом, если кто предпочитает.

Они молчали. Михал вытащил из кармана пачку сигарет. Якуб отрицательно покачал головой.

- Нет, спасибо. Не курю.

- Рака боишься. Он ведь излечивается.

- Американские разведывательные боты при хорошем ветре способны вынюхать никотин с километра. И это очень эффективная система распознавания, потому что только люди курят сигареты. А мне казалось, что русские об этом знают.

- Нет, не знают, - солдат смял пачку и выбросил. - А ты как узнал?

- Подобные вещи я знать должен. Мы гоним и продаем самогон, делаем амфу, есть у нас несколько огородиков, где разводим овощи и фрукты, ну еще травку, но прежде всего, мы живем с того, что найдем в развалинах. И с торговли. Ты не поверишь, как быстро появились здесь люди, от которых можешь купить практически все, даже апельсины, которые еще два дня назад росли себе где-то в Калифорнии. И которые очень много желают приобрести от тебя. Наибольшую прибыль приносит торговля частями к боботам и оружием. Если у кого имеются контакты с русскими, то такой покупает все, что взято из американских автоматов; если связан с американцами, тогда берет всякую деталь из русских машин. Так что мы выбираемся в пригороды и разыскиваем то, что осталось после стычек. Там все время идет маленькая такая войнушка, русские и американские патрули шастают вокруг города, а как столкнутся друг с другом, так начинается забава. Если же ничего не находим, приходится охотиться самим.

Михал глядел на него, щуря глаза.

- Охотитесь? На боевых роботов. Что ты мне тут впариваешь?

- Нет. - Якуб почесал ногу, которую в данное время колонна муравьев посчитала местным препятствием, обладающим стратегическим значением. - Это вовсе даже и не трудно. Перед войной русские и американцы проектировали своих боботов параллельно, теперь же устроили себе здесь полигон. Они испытывают их и проверяют в боевых условиях, явно по согласию начальства. Для нас же это чистая прибыль. У большинства таких машин имеются свои недостатки, опять же, ни одна из них не была сконструирована с идеей самостоятельного сражения. Так что мы, попросту, научились заливать им сала за шкуру. С американской стороны имеется такой полковник разведки, Греверс, который на корню покупает у нас все, что нам удается добыть. За детали от одной Крысы, если конечно, не слишком побитые и простреленные, я могу прокормить всех в течение недели. Кроме того, мы стреляем только в русские машины. В американские как-то не удобно.

- Почему?

- Потому что для них мы являемся героическим движением польского сопротивления. Нам дают довольно много оружия, лекарств и продовольствия. Их артиллерия сразу же начинает огонь, когда русские пытаются нас нащупать, даже авиация обеспечивает прикрытие с воздуха. По крайней мере, так они утверждают. Но, по правде говоря, до сих пор я видел здесь только несколько русских вертолетов, так что, может, что-то в этом и есть. Как-то вроде нехорошо стрелять в машины союзников.

- Русские должны занять город. - Михал вытащил из кармана сухарь и начал его жевать. - Хочешь?

- Спасибо. Как-то уже пробовал. Дома у нас их приличный запас, применяем их, когда заканчиваются гранаты.

- Ха-ха-ха и еще раз "ха-ха".

- Серьезно. - Якуб слегка улыбнулся. - А русские не займут город по тем же самым причинам, по которым не заняли его раньше. Ведь с другой стороны находятся американцы, а они этого не допустят. Слишком хорошо они знают, что тогда им пришлось бы положить дивизию или даже две, чтобы выкурить отсюда русаков. Легенда Сталинграда до сих пор жива. В свою очередь, американцы не войдут в город, поскольку опасаются, что это спровоцирует русских. Пока что же, стоит относительное спокойствие. До сих пор мы только два раза вступали в перестрелку с русскими патрулями, которые зашли в город слишком глубоко. Заезжать сюда на бевупе, это еще большая даже глупость, чем высылать одиночных боботов. Так что, пока длится эта странная война, мы живем здесь слоно на ничейной земле. Такой себе польский Бейрут.

- Сколько у тебя людей?

Якуб внимательно поглядел на Михала. Подобный вопрос, в тот момент, когда на чужаке до сих пор был русский мундир, был, по крайней мере, странным.

- Около семисот человек, - ответил он наконец, эти сведения тайной не являлись. - Это вместе с бабами, пенсионерами и детьми. Все те, которым некуда было идти, как и нам. В боевых отрядах, хмм... человек сто пятьдесят. Другие банды нам дорогу не переходят, мы им - тоже нет. И жизнь течет.

- Сладко и покойно.

- Именно. - Мураши пошли на решительный штурм, и Якуб посчитал, что пора отступить на заранее подготовленные позиции.

Он поднялся и отряхнул штаны.

- Михал, ты убил двух офицеров. Думаешь, за тобой кого-то пошлют?

Солдат отрицательно покачал головой.

- Не знаю. Честное слово, не знаю. - Он тоже поднялся. - Как только вы отдадите мне оружие, я забираю девчонку, и мы уходим отсюда.

- Я тебя не прогоняю. Она же сама не в состоянии ходить, разве что ты желаешь накачивать ее противоболевыми средствами, пока у нее не остановится сердце. Впрочем, если я вас выпущу, до завтрашнего дня вы не доживете. Проще будет вас пристрелить, - осклабился он. — Можете остаться на пару дней. А там поглядим.

Они услышали шум и одновременно повернулись. К ним подбегал низкий, с ног до головы чумазый пацан.

- Куба, - какое-то время он ничего не мог сказать. — Куба, у нас гость. Лукаш сказал, чтобы ты немедленно прибыл в бункер.

\* \* \*

- А они победили какое-нибудь чудовище?

Все пятеро сидели на куче одеял, брошенной в углу подвала, переделанного в мастерскую. По просьбе детей мужчина погасил висющую под самым потолком флуоресцентную трубку, так что теперь источником света был только старый фонарь. Так намного интереснее, заявили они.

- О да, и не одного. В те времена жило еще много чудовищ — драконы, великаны, адские бестии шастали по всему свету и нападали на мирных людей. Обязанностью короля и его свиты было сражаться с ними.

- Да нууу... чудовища. Чудовища это в сказках.

- А как ты думаешь, парень? Откуда они там взялись? Мы разместили их там, чтобы можно было спать ночью. Если бы не это, никто бы никогда и глаз не сомкнул. Так что король со своими рыцарями сражался с многими чудовищами, драконами, великанами и злыми колдунами...

\* \* \*

Когда они вошли в подвал, Лукаш как раз склонился над монитором. Якуб усмехнулся про себя, наблюдая за реакцией гостя. Несколько компьютерных постов, полтора десятка громадных мониторов, серверы. Так мог бы выглядеть командный центр танкового батальона.

- Откуда все это? — Михал разглядывался с довольно-таки глупым выражением лица.

- Если скажу, то придется тебя расстрелять, - гробовым голосом заявил Якуб.

- Эта шутка умерла от старости лет сто назад, а ее мумию мы держим в самом глубоком подвале, - Лукаш указал ему место рядом с собой. — Ты лучше на это погляди.

На экране появился фрагмент какой-то улицы. Узкий каньон, сложенный из выжженных развалин, заполненный каменным и металлическим мусором так, что не было видно хотя бы пяточка оригинальной мостовой.

- Пригороды?

- Так.

- Это какая улица?

- Жасминовая. Сейчас появится. Вот!

Лукашу и не нужно было говорить. Внезапно в изображение вошел автомат, могучий серый корпус заполнил весь экран, мелькнула нога — и его уже не было.

- Дай картинку с башни. — Куба перестал улыбаться. — Не с этой, церковной. Широкую перспективу.

Он пододвинул еще один стул к монитору и сказал Михалу:

- Присаживайся и скажи мне, то ли это, о чем я думаю.

Образ изменился, теперь он представлял приличный фрагмент города чуть ли не с птичьего полета. Засыпанные улицы, развалины домов, пепелища.

- Это предместья, наиболее разрушенная часть города. Поначалу все здесь взрывали наши, потом русские с американцами устроили для себя полигон. Всякий раз, когда их бобылы встречаются, с обеих сторон начинает валить артиллерия. Постепенно сравнивают всю территорию с землей.

В глубине одной из улиц появился силуэт. Передвигался он медленно, исследуя местность. Корпус длиной в восемь метров поддерживали две массивные, трехметровые ноги, размещенные по бокам машины. Корпус располагался горизонтально, в результате чего целое напоминало гигантского, охотящегося теропода<sup>5</sup>. Спереди у машины имелась небольшая, украшенная рядами датчиков "голова", из под которой высывалось дуло подвешенной под туловищем небольшой пушки. Короткие узлы подвесок, находящиеся сразу же перед ногами, были нагружены счетверенными тубами ракетных пусковых установок; спину уродовала гадкая, ассиметричная нарость универсального тяжелого пулемета. Корпус боевого робота менял цвет, пытаясь приспособить окраску к внешнему окружению. Броненосный, кибернетический тиранозавр на охоте.

- Т-бот... Ебанный Т-бот, - Лукаш нажал на пару клавиш, картинка приблизилась. — Версия "Д".

Михал отрицательно покачал головой.

---

<sup>5</sup> Тероподы (лат. *Theropoda*, от греч. *θηρίον*, «зверь», и *πόδι*, «нога», — звероногие), или хищные динозавры — один из подотрядов ящеротазовых динозавров. Все тероподы перемещались на двух ногах, большинство — хищники, реже всеядные или растительноядные (теризинозавры, орнитомимиды). Большинство ученых с недавних пор стали относить к тероподам и современных птиц, таким образом птицы из потомков динозавров стали относиться к одному из подотрядов. Кисть обычно трёхпалая, стопа — обычно четырёхпалая с опорой на 2—4-й пальцы. Крупнейшим среди теропод был спинозавр (более 17 метров). Тероподы составляли около 37 % всех известных родов динозавров, среди последних находок *Nemegtomaia* (2004), *Guianlong* (2006), *Limusaurus* (2009) и др. - Википедия



- Нет. У "Д" вместо пулемета дополнительная пусковая установка противотанковых снарядов на телескопической консоли. Это же "Цз-бис", для уничтожения пехоты и легких боевых автоматов. Тридцатка под корпусом, четыре снаряда РГх-37 и четыре РКф-56, видит все в пределах 360 градусов. Вот это, - он указал на несколько выступающих под углом и разбросанных по всей "спине" наростов, - это "Арена девять", система борьбы с противотанковыми снарядами. Т-бот, единственный двуногий боевой автомат во всех современных армиях.

Лукаш искоса глянул на русака.

- Ты говоришь это таким тоном, будто им гордишься.

- Горжусь. Скорее уже, пугаюсь. Под Лодзью авиериканская Четвертая Автоматизированная Бригада наткнулась на два отделения Т-ботов. И через шесть часов прекратила существование. То была единственная крупная стычка с силами НАТО за всю войну. Потом все говорили, что американцы именно потому и не прутся на восток. Не хочется им терять людей и оснащения.

- Что он здесь делает?

- Наверняка, разыскивает.

- Чего?

Михал покачал головой.

- Не: чего. Кого. Меня. - Он повернулся к Якубу. - Отдай мне оружие и позволь уйти.

- А почему он тебя разыскивает?

- Тот майор... Он был племянником командира дивизии. Генерала Бурозова.

- Ты называл не такую фамилию.

- Еще одна долбаная семейная история времен войны. Хочешь послушать?

Они мерялись взглядами. Якуб готов был отдать голову на отсечение, что солдат говорит правду.

- Ту куда положил его оружие? - обратился он к Лукашу.

- Не хочешь же ты ему его отдать. За него мы можем получить кучу бабок.

Комендант прикоснулся к своей челюсти.

- Уговор помнишь? Он меня положил. Слово я держу. Он может уйти.

- А девушка?

Странно, но этот вопрос прозвучал одновременно: от Лукаша и Михала.

- Если ты с ней пойдешь, она будет тебя тормозить. И у тебя не будет никаких шансов. Поэтому, она останется у нас. Если тебе удастся обмануть Т-бота, через пару дней можешь за ней вернуться.

Пришло время напомнить всем, кто здесь командует.

- Шааагом марш!

Через пять минут Якуб стоял на крыше блочного дома и глядел, как Михал бежит в направлении центра. Солдат надевал шлем и еще подтягивал ремешки снаряжения. Пара дней. Хохма! Да парень не переживет и ближайшего часа.

- Якуб! Якуб!!! - на крыше появился тот же оборванец, что и парой десятков минут ранее. - Т-бот! Т-бот направляется сюда!

- Что?

- На нас идет. Как по шнурочку.

Возвращение в командный центр заняло не более пары минут. На ближайшем мониторе был виден силуэт боевой машины. Она продвигалась вперед тяжелым, маршевым шагом.

- Три минуты назад он перестал вертеться и вынохивать, - в голосе Лукаша не было слышно каких-то особенных эмоций. Знак, что он собран и готов к делу. - Потом направился в нашу сторону.

- Тревогу объявил?

- Да. Большая часть баб с малышкой уже спустилась в подвалы, часть убегает по туннелям. Боевые группы заканчивают получать тяжелое оружие.

- Хорошо, - на Лукаша всегда можно было положиться. - Я иду в оружейную. Ты остаешься здесь и координируешь операцию.

- Куба?! - в голосе блондина прозвучало возмущение.

- Если со мной что-нибудь случится, ты берешь весь этот цирк на себя. Соответствующие приказы я уже отдал.

Он вышел.

Оружейной называли особый подвал. Там сейчас крутилось около трех десятков человек. Они надевали защитное оснащение, выбирали оружие. Якуб глянул на выбор снаряжения. Так, нормально, десять противотанковых ружей, переделанных из выдранных из боботов тяжелых пулеметов; восемь противотанковых гранатометов, чуть ли не два десятка обычных, чаще всего, тоже являющихся предметом добычи; связки гранат, кумулятивные мины и упаковки пластиковой взрывчатки. Два огнемета и бутылки с бензином. Тяжелое оружие.

- Диджей, калаша оставь, не то зверье, - низенькая блондинка отобрала автомат у мрачного худого парня и указала на стойки с оружием. - Возьми побольше бутылок с бензином.

Куба одобритительно кивнул.

- Слушай Карчихо, молодой.

Сам подошел к стойке с броней. Большинство панцирей они смастерили сами: фрагменты эластичной брони боевых автоматов были вшиты между кусков крепкого брезента, снаружи все хозяйство украшала маскировочная композиция из тряпок. В качестве противоосколочных жилетов они справлялись даже неплохо. Под низ они, как правило, надевали добытые или купленные комбинезоны, уменьшающие термическое обнаружение тела. На некоторых из них до сих пор оставались следы от пуль. Комбинезоны и шлемы были той частью их вооружения, которой на месте произвести они сами не

могли. Приготовленные таким образом средства личной защиты были достаточно неплохими, чтобы доверить им собственную жизнь. Якуб выбрал для себя жилет, наплечники и набедренники собственного производства.

- Комендант? – обратилась одна из младших девушек.

- Ну?

- Кажется, у меня сегодня от страха поджилки трясутся.

Пара человек захихикало. Якуб – нет. У него не было времени перешучиваться.

- Командиры отрядов здесь?

К нему подошло пять человек.

- Вполне возможно, этот Т-бот обойдет нас и отправится за нашим гостем, - в этот момент стены задрожали от взрыва. – Но, может, и нет. Или же русаки посчитали, что при случае будет неплохо расправиться и с нами.

Он пытался не думать о возможной измене Михала. Появляется русский солдат со сказочкой о детском доме, и тут же им на голову сваливается Т-бот. Блин!

- Мартин и Горячка, берете противотанковые ружья и держитесь в сторонке. Попробуйте отстрелить ему все, что только удастся, повредить датчики, разбить пулемет. Карчихо и Худой – гранатометы; бот оборудован "Ареной девять", так что на первый или второй выстрел не рассчитывайте, но, может, что-то и удастся. Только следите за нашими.

Он закончил застегивать жилет и обернулся к последнему человеку.

- Кармен, твой отряд сегодня штурмовой, - черноволосая девушка, не улыбаясь, кивнула. – Берете гранаты, бутылки с бензином, пластик. Концентрируйтесь на ногах.

- Русские утверждают, что с ними никак не справиться, но не справиться можно только с Горячкой, когда он в сортире засядет.

Шуточка вызвала шумок нервных смешков. Атмосфера близкого боя передавалась всем.

Очередной взрыв сотряс здание. Затрещал настенный динамик.

- Куба! Он уже в трехстах метрах от нас, - голос Лукаша в динамике был приглушенным и невыразительным. – Так, остановился и ёбнул в нас две ракеты. Приближается со стороны Гливицкой, уже за костелом. Поспешите.

- Слышите? Марчин с Карчихо зайдут слева, Горячка с Худым – справа. Я пойду с Кармен.

- Нет. Нет. Нет, - прозвучало с нескольких сторон одновременно.

Якуб огляделся по сторонам.

- Что такое?

Карчихо поправила свисающий с плеча гранатомет и, не глядя ему в глаза, заявила:

- Куба, это мы впевые идем на Т-бота. Ты не станешь подставлять задницу со штурмовой группой.

Тот наморщил брови, только на девушку никакого впечатления это не произвело.

- Кто тут, собственно, командует?

- Ты, - Кармен поправила шлем. – Но штурмовой группой – я. И я имею право подбирать себе людей. И вы, пан комендант, мне не нужны.

Худой коснулся плеча коменданта стволом гранатомета.

- Бери. Пойдешь со мной.

- Да что это такое, курва?! Охрана? Или, может, назначишь людей, чтобы меня прикрывали?

Худой быстро отвел взгляд в сторону.

- Да нет, - пробормотал он. – С чего ты это...

- Двести пятьдесят метров снова прохрипел динамик. – Спрятался за костелом.

- Ладно, потом со всеми посчитаюсь, - Якуб погрозил пальцем. – А сейчас пошли... Ага, будете ждать моего первого выстрела, или, разве что, бот сам начнет действовать. Ребята, не выпендриваться и героев из себя не строить.

\* \* \*

- Как-то раз к замку молодого короля подобрался дракон. Не надо так усмехаться, Марек. Драконы вовсе даже не выдумка, как утверждают некоторые. Вот подумайте, если бы они никогда не существовали, знали бы мы, как они вообще выглядят? Драконы существовали, и не только, как утверждают некоторые, в людских умах и сердцах.

Детские глаза горели в свете фонарика словно глаза лесных зверей. Никто из детей не обратил внимания на сотрясение, сопровождавшее попаданию снаряда в дом, и на облака пыли, сыплющейся им на головы.

Пан Мариан сам улыбнулся своим мыслям, рассказ поглотил малышей до такой степени, что они не обратили бы внимание даже на землетрясение. Все было именно так, как ему хотелось.

\* \* \*

Якуб бежал среди развалин вместе с группой Худого. Они поддерживали между собой расстояние в несколько метров, согнувшись в поясе, обремененные панцирями и оружием. Никто не тратил сил на болтовню. Внезапно Худой остановил группу жестом поднятой руки и подозвал командира к себе.

- За костелом его нет, - шепнул он. – Притаился в улочке рядом с цветочным магазином. Обойдем его с боку.

Они свернули вправо, направляясь к заброшенному жилому дому. Если все пойдет хорошо, там у них будет замечательная позиция для стрельбы.

Т-бот ожидал их. Другого объяснения просто не было. Он попросту знал, что за ним придут, потому притаился в развалинах и ожидал. Исчезнув за костелом, он отступил на пару десятков метров и присел, вытирая брюхом землю. Вклю-

ченная система активной маскировки приводила к тому, что кто-либо, не ожидающий присутствия машины, мог бы прозевать ее, проходя на расстоянии в несколько метров.

Но на этот раз Т-бот имел дело с "городскими крысами". Местность в радиусе пары километров они знали как свои пять пальцев. Всякое углубление, всякий закоулок, кустик и кучу развалин. Потому еще одна куча битого кирпича, непонятным образом выросшая в улочке, бросалась им в глаза словно пятно на белой скатерти.

Окна бывшего жилого дома до места, в котором устроил засаду автомат, отделяло метров сто. Бойцы прошли в дом. Якуб осторожно выглянул сквозь дыру. Они находились возле южной, разогретой солнцем стенки, так что термодатчики боевого робота не должны были их выявить.

Автомат устроил засаду у стенки давно уже закрытого цветочного магазинчика. Место он выбрал хорошо, зеленый плющ, карабкающийся по решетке, защищавшей когда-то витрину, легонько дрожал на ветру, точно так же, как и пятна, которыми Система Активной Маскировки покрыла корпус. С расстояния в пару десятков метров все это выглядело еще одной кучей камня, на которую осуществили вторжение зеленые вьющиеся растения. Только лишь когда ты знал, чего ожидать и куда глядеть, можно было заметить притаившуюся опасность.

Несколько секунд Якуб восхищался неприятелем. В нем не было ничего случайного, асимметрия пулемета, нерегулярное размещение боеголовок системы "арена" и датчиков, каждая нога согнута под иным углом. Все это должно было затруднить выявление машины, проектанты Т-бота прекрасно знали, что человеческий мозг скорее всего выделяет из окружающей среды правильные, симметрические объекты, так что они сделали все возможное, чтобы лишить его этой симметричности. Даже узлы подвесок по бокам корпуса размещались на разной высоте. Перед "городскими крысами" притаилась эффективная и профессиональная машина для охоты из засады. И еще для убийства.

Якуб в последний раз огляделся по сторонам. В помещении вместе с ним было два человека из группы Худого. Все остальные заняли позиции в других местах. До двери было пять метров. Многовато. Могут возникнуть хлопоты с эвакуацией.

Боевые автоматы практически всегда превосходили людей скоростью. Более быстрые, лучше вооруженные и защищенные броней. Но у них имела определенная механическая инерция для реакции. Если башенка машины была повернута вперед, а человек стрелял сзади, оборот ствола занимал от одной до трех секунд. Наилучшей тактикой было стрелять и тут же смыкаться. Если нападающие атакуют с разных сторон и были хорошо координированы, частенько случалось, что автомат крутился на месте, напрасно растрачивая боеприпасы, пока кто-нибудь не попадал в его чувствительное место. Потому-то высылка одиночного бота в бой было даже еще более глупым, чем высылка одиночного танка во вражеский город.

Но это, естественно, в теории.

План был простым: они отдадут залп и смыкаются из комнаты до того, как машина ответит огнем. Потом в бой вступают другие группы. Все зависело от того, не повернута ли пушечка и пусковые установки ракет в их сторону, а вот этого они как раз узнать и не могли. Если это было так, им хана.

Якуб еще раз проверил гранатомет, чуть ли не ласково погладил снаряд.

- Ладно, ребята. Покрасим сукина сына.

Краска, самая обычная краска, разведенная водой, в результате чего смесь была жидкой и длительное время держалась в воздухе в виде облачка. Вся проблема с машинами, оборудованными Системами Активной Маскировки, заключалась в том, что даже когда они выдавали собственную позицию, открывая огонь, для людей они все равно представляли трудную цель. Автоматы были способны перемещаться со скоростью в несколько десятков километров в час, меняя окраску таким образом, что человеческие глаза видели перед собой лишь размазанное пятно. Солдатский рефлекс и способность оценки расстояния до врага полностью подводили. Якуб открыл эту истину во время первого столкновения с одной из русских Жаб. Тогда он потерял четверых человек и в течение следующих трех недель ломал голову над тем, как справиться с САМ. Решение нашел Лукаш, заменив взрывчатый материал в головке снаряда разведенной краской. Даже если выпущенная граната уничтожалась в полете, взрыв образовывал облако липкой краски диаметром в пару десятков метров, которая оседала на всем вокруг. Системы же, вроде русской *Арены* уничтожали снаряды из гранатомета на расстоянии от пяти до пятнадцати метров от автомата. Каждый бот должен был быть отмечен краской, если же стрелкам исключительно везло, краска покрывала еще и часть оптических датчиков, слепя машину.

Но это, естественно, в теории.

Якуб сделал глубокий вздох и прицелился.

Выстрелили одновременно и так же одновременно бросились к двери. Удалось, через пару секунд были в коридоре. Вскочили в соседнее помещение и побежали к окнам. Когда выскакивали из дома, тот затрясся от серии взрывов. Сквозь разрывы и очереди они услышали вой двигателей Т-бота и все более быстрый грохот его шагов.

- Рассредоточиться! И понижайте головы!

В тот же самый момент до них дошел отзвук залпа из гранатометов, приглушенные, отдельные выстрелы из противотанковых ружей. В бой вступили и другие группы.

И тут начался ад.

\* \* \*

- Самое сложное для рыцарей – это сражение с драконами. Точно так же было и во времена нашего молодого короля и его вассала. Драконы – это могучие, бронированные, зияющие огнем чудища, и нужно много храбрых воинов, чтобы победить хотя бы одного из них.

Пыль после сотрясения неспешно опадала на пол подвала. Никто из детей не оторвал взгляда от лица пана Мариана. Могло показаться, что в полумраке их глаза светятся.

- И то один, то другой рыцарь пал героической смертью в бою с такой бестией. Вы точно хотите слушать дальше? Сейчас будет довольно страшно.

- Хотим, - в унисон шепнула ребятня.

\* \* \*

До какого-то момента все шло как следовало. Оказалось, что результат их первого залпа превзошел самые смелые ожидания. Краска покрыла чуть ли не весь корпус машины, так что САМ утратила смысл существования. К тому же, ярко-желтый цвет прекрасно выделялся на окружающем фоне и облегчал прицеливание.

Следующий залп, сделанный группой Карчихо, смог отвлечь внимание робота от Якуба и людей Худого, снаряды из противотанковых ружей раз за разом попадали в броню. Вопросом времени было, чтобы какой-то из них сможет повредить тяжелый пулемет или, если повезет, вызовет взрыв ракеты.

В течение пары десятков секунд всем казалось, что шансы у них имеются.

Но потом заговорила размещенная под корпусом тридцатимиллиметровая пушка, и все были уже заняты поисками мышиной норы, в которую можно было бы спрятаться, но никак не нападением на машину. Бронебойные снаряды без проблемы пробивали кучи каменных обломков и стены толщиной в полметра, за которыми они пытались искать защиты. Осколочные снаряды разрывались у них над головами, рассекая все и вся вольфрамовой дробью.

Охотники превратились в преследуемую дичь.

На глазах Якуба снаряд пробил фрагмент стены, за которым присели ребята, и оторвал голову одному парню. Вот так, попросту. Взрыв, облако кирпичной пыли, и безголовое тело в судорогах падает на землю. *Finito*.

Он промчался рядом с убитым, на ходу подхватывая его рюкзак с боеприпасами. Для эмоций времени не было. Якуб хлопнул второго из пары "крыс" по плечу и указал на узкое ущелье, образованное двумя свалившимися домами.

- Туда! Попробуем зайти к нему с другой стороны.

На бегу он зарядил очередной снаряд в гранатомет. На то, чтобы выглянуть из щели и выстрелить, хватило половины секунды. Снаряд взорвался за несколько метров до цели. Якуб спрятался, но тут же опять выставил голову.

- Нет! – заорал он, хотя и знал, что это не поможет. – Кармен, нет! Забирай их оттуда!!!

Метрах в пятнадцати от робота, за наполовину обрушившейся стенкой притаились три сгорбившиеся силуэта, еще две ползли с тыла Т-бота, Якуб увидел их только лишь потому, что они как раз двигались. То ли автомат уже утратил задние датчики, то ли...

Ствол пушки развернулся на сто восемьдесят градусов. Два выстрела, и оба человека из штурмового отряда превратились в посеченные на кровавые лохмотья трупы. У них не было ни малейшего шанса.

Якуб мог только глядеть, как Кармен поднимает своих людей в бой. Сам он был слишком далеко, чтобы их удерживать.

Пять "городских крыс" бросилось в атаку. Тройка, притаившаяся за стенкой, и пара, которую раньше не заметил. В сторону робота полетели бутылки с зажигательной смесью, взрывчатка. А вот Т-бот сделал нечто такое, чего раньше Якуб ни у одного боевого автомата раньше не видел. Робот увернулся!

Восьмитонное чудовище выполнило длинный шаг вперед, словно атакующий фехтовальщик, снизив корпус настолько, что тот пропал в землю. Большинство зарядов пролетело над автоматом, взрываясь по сторонам и не причиняя никакого вреда. Смертоносная пушка на мгновение замолчала, спрятавшись в углублении под тушей, но вот пулемет – нет. Пули калибра 12,7 мм окружили машину завесой огня. Один из парней Кармен не успел спрятаться, первая пуля вначале оторвала ему руку, которая полетела в воздух, рассеивая за собой живописную полосу карминовых капель, а следующая пуля ударила бойца в грудь. Странно, но Якуб вылавливал из окружавшего его хаоса именно такие мелочи – летящая в воздухе рука, разрывы гранат, Кармен, дающая сигнал для последующей атаки.

Первая пара ее людей превратилась в куски летящего во все стороны мяса и костей. *Арена*. Т-бот для непосредственной своей защиты воспользовался системой *Арена*. Никогда ранее ни с чем подобным они не встречались. Для формируемых в результате взрыва вторичных снарядов их защитные жилеты были словно бумага.

К этому моменту от штурмового отряда в живых оставались только Кармен и Диджей. Девушка щучкой бросилась в направлении Т-бота, держа в обеих руках кумулятивную мину. Машина с воем перегружаемых механических мышц оторвалась от земли и обернулась, разыскивая цель для пушки. Кармен промахнулась, тело автомата неожиданно оказалось слишком высоко. Девушка перекатилась через плечо, покачиваясь, поднялась на ноги. И тут ее ударила могучая, трехметровая нога. Кармен пролетела метров с десять, свалилась на наваленные обломки и беспомощно скатилась в какую-то дыру. Автомат же повернулся к Диджею.

Для Якуба время замедлило бег. Ему казалось, что перемещение Т-бота длится целую вечность, что оно натренированно медленное, как будто автомат издевался над ними, проявляя презрение и пренебрежение. Как будто он игрался с ними.

Подождем все здесь, промелькнула мысль, прибьет нас это канареечно-желтое чудовище, которого никакое оружие не берет.

И в следующее же мгновение время вернулось к естественному темпу. Левый бок машины взорвался в нескольких местах, пулемет на спине Т-бота, ударенный выпущенным непонятно откуда снарядом, свернуло набок, ствол выгнуло под невозможным углом. Это из русского гранатомета девяностого калибра, появилась и тут же исчезла мысль. Времени на удивление не было, автомат проигнорировал Диджея, оборачиваясь в сторону новой угрозы. Пушка плюнула огнем, разва-

лины дома, из которого явно кто-то стрелял, покрылись язвами от попаданий бронебойных снарядов. Якуб вновь зарядил свой гранатомет, прицелился и замер.

Диджей. Он все еще стоял в паре метрах за роботом, сжимая в руке связку гранат.

- Да шевелись же, курва!!! – пробился крик над грохотом выстрелов из пушки. – Мы же не можем стрелять!

Якуб распознал голос Горячки. А вот Диджей, явно, нет, потому что даже и не дрогнул. Вдруг на него налетела фигура в российском маскировочном мундире. Оба упали на землю и исчезли среди развалин.

Т-бота тут же окружили взрывы. Боевые группы стреляли из всего, что было у них под рукой, желая отомстить за смерть Кармен и ее людей. На несколько секунд машина исчезла за заслоной огня и дыма.

Из-за нее она появилась словно атакующий динозавр. Ракетные пусковые установки оторвали два снаряда, один из которых полностью обрушил стену ближайшего дома, второй попал в находящийся метрах в двухстах остов автобуса, из-за которого только что стреляли. Якуб воспользовался этим мгновением, чтобы перезарядить гранатомет.

- Это ничего не даст!

Михал вскочил в яму, чуть ли не на голову коменданту. Выставил ружье вверх и, пользуясь прицелом, смонтированным в забрале, сделал несколько выстрелов.

- В его системе Арена почти восемьдесят зарядов! У вас недостаточно гранат, чтобы заставить его растратить их все! – заорал он, перекивая канонаду.

- Знаю! Есть какая-нибудь идея, пока он нас здесь не перебьет?!

Они поднялись и тут же выстрелили, Якуб из бронебойного гранатомета, а Михал из своего, интегрированного с автоматом. Повернутый к ним тылом Т-бот как раз маршировал в сторону дома, из которого только что его обстреляли из противотанковых ружей. Более тяжелый снаряд, выпущенный Якубом, распался в воздухе на три части; граната русского попала в левую ногу робота на высоте сустава. Правда, не было похоже, чтобы автомат это почувствовал.

- Ты попал!

- Знаю, но это двадцатимиллиметровая граната, система распознавания Т-бота их игнорирует, потому что броню они никак пробить не могут. Опять же, у меня их осталось только две.

Т-бот остановился перед домом и начал прощупывать стену короткими очередями.

- Они в середине, - Михал указал на дом. – Не успели отступить.

В тот же самый момент автомат выпустил очередную ракету. Снаряд влетел в середину через дверное отверстие и взорвался. Все окна первого этажа оторвали огнем.

Якуб на мгновение закрыл глаза. Курва. Сначала Кармен, теперь другие. Нет, попросту нет. Он зарядил очередную гранату.

- Прикрывай меня, - прошипел он, поднимаясь на ноги.

- Дурак, это же ничего не даст, - Михал схватил Якуба за плечо и стянул на место. – Пойду я. В конце концов, он же пришел за мной.

Перед тем, как выскочить, он еще бросил:

- Арена не обращает внимание на снаряды, которые не попадают в робота. Я же попробую свалить на него стену.

И он побежал, низко склонившись, инстинктивно пересекая местность зигзагами. Когда он был уже метрах в ста от автомата, привстал на колено, и прицелился, словно был на учениях. После чего начал пулять в робота очередь за очередью. Но не вслепую, Якуб видел, как разорвалась головка оптического датчика, размещенная за поврежденным пулеметом, после нее к черту пошел один из угловатых элементов системы Арена. Михал отлично выбрал позицию, между ним и пушкой автомата находилась одна из могучих ног. Робот должен был тронуться с места, если не желал утратить большую часть оборудования.

Не отрывая взгляда от поединка между Давидом и Голиафом, Куба перезарядил гранатомет.

- Худой!

- Я тут! И что этот придурок вытворяет?!

- Пытается спасти наши задницы! Заряжайте фугасными. Когда Т-бот будет проходить рядом с какой-нибудь стеной, стреляйте в нее. Может все и удастся!

- Он пошел!!!

Т-бот явно оценил, что солдат представляет для него большую опасность, чем прячущиеся в доме стрелки. Он завыл двигателем и начал оборачиваться. Михал упал и дважды выпалил из гранатомета. Первый снаряд попал в шишкообразную наросль в передней части туловища, где размещалась большая часть датчиков машины. Второй полетел низко и ударил в место, откуда выходила бронированная лента, подающая боеприпасы пушке. Какое-то мгновение ничего не происходило, после чего могучий взрыв подорвал переднюю часть робота вверх. Какое-то время тот балансировал на одной ноге, но затем тяжело свалился на брюхо.

- Получил! Курва, получил!!! Теперь ты наш!!!

Якуб не узнал, кто это так разорался, только это не имело ни малейшего значения, поскольку радость была явно преждевременной. Т-бот поднялся и, воя всеми своими моторами, помчался к тому месту, где все еще лежал Михал. Казалось, что с каждым шагом он ускоряется. Солдат перекатился в сторону и сжался в какой-то ямке. Напрасно. Машина обошла его и, не притормаживая, помчалась по разрушенной улице.

- Уматывает! К своим бежит! Остановите его!!!

Легче сказать, чем сделать. Теперь автомат был разоружен, но ни броня, ни ноги особо не пострадали. Еще несколько секунд, и Т-бот мог исчезнуть среди руин.

Якуб высунулся из своего укрытия и прицелился. Т-бот выбрал трассу бегства между двумя совершенно выжженными домами. Собственно говоря, от них остались только фронтальные стены и ничего более.

- Ладно, - буркнул комендант. – Поглядим, прав ли был ты, русский сукин кот.

Он выпалил снаряд за несколько секунд перед тем, как автомат очутился между стенами. Граната пролетела мимо Т-бота на расстоянии метров в пять и ударила в стену у самой земли. Через мгновение в тоже самое место ударили две последующие.

Стенка затряслась, задрожала и неспешно, словно при замедленной съемке, рухнула на улицу. Прямоком на боевую машину. Облако пыли полностью закрыло вид.

Тишина. А потом механический хрип – куча развалин зашевелилась.

- К нему! – Михал уже бежал в сторону Т-бота. – Давайте сюда кумулятивные мины!

Якуб рванул за ним. Из развалин выскочило еще несколько человек. Они вскарабкались на завалившуюся стену, припали к машине и обсели хребет чудовища словно крысы, добравшиеся наконец до ловчего кота. Автомат захрипел мотором и уже, уже начал выбираться из-под обломков. Михал отдавал приказы.

- Вот тут, за пулеметом! И с переди! Отлично. Это что акое?

- Це-шестнадцать, - Худой подал ему тяжелый рюкзак.

- Шикарно, - рюкзак упал в углублении за "головой" робота. – Внимание! Запалы!

Они сорвали предохранители, до взрыва зарядов оставалось секунд десять. Все рванули прочь. В самый последний момент. Машина завывала двигателем и выбралась из-под кучи обломков. После чего двинулась вперед.

Автомат успел сделать еще шагов пять, когда заряды, закрепленные на его спине, взорвались. Т-бот застонал, зашатался, из-под деформированных броневых плит появились языки огня и полосы дыма. Робот остановился. Где-то секунду он балансировал на полусогнутых ногах, а потом грохнул на бок. Нога спазматично задрожала. Якуб не мог оторвать взгляда от поваленного великана, его агония была настолько животной, настолько органичной... Ему казалось, что чудовище вот-вот подымет "голову" и издаст прощальное рычание. Но над побоищем воцарилась лишь тишина.

- Ну, - Михал выглянул из-за ближайшей стенки. – Теперь уже не встанет.

Они медленно собирались вокруг машины, Михал, Худой, Карчихо и полтора десятка остальных.

- Где Марчин? – Якуб толкнул ближе всего стоявшую девушку, зная, что та была из его группы.

- Он был в автобусе, - указала она на догорающий остов, на ее лице не было никакого выражения. – Вытолкал меня из окна, а сам не успел.

- Горячка?

- Я тут, - парень как раз приближался к группе, опираясь на плечо одного из своих людей. – Я неудачно стал... только что... ну вот только что... курва...

Горячка повернулся к Михалу.

- Ты вернулся. Я не знаю тебя, мужик, но ты вернулся... курва... я... Спасибо, иначе бы он нас прикончил.

Казалось, что солдат покраснел. Он открыл рот.

Якуб кашлянул.

- Потом будешь ломаться. Кармен?

Вот это был глупый вопрос.

- Сейчас, Куба, пойдем за ней, - Карчихо произнесла это тихо, как-то очень мягко. – И за остальными тоже. А теперь... мне... мне хотелось бы...

Худой только махнул рукой.

- Валяй, малая.

Девушка сняла шлем, перекрестилась.

- Дай им, Господи, вечный покой...

\* \* \*

Тишина заполнила подвал.

- Ну что, хватит на сегодня, - пан Мариан прислушался, тепло улыбнулся и поднялся с пола. – Вижу, слишком близко вы берете все к сердцу.

- Нееееет. Пан Мариан....

- Хватит уже, малыши, - погрозил он им пальцем. – У всех нас имеются свои обязанности, ну а атака как раз закончилась.

Четыре пары глаз наполнились изумлением.

- Атака? Какая еще атака, пан Мариан?

\* \* \*

Михал сидел точно на том же месте, что и раньше. Якуб, не спрашивая, присел рядом. Пару минут они молчали.

- Все так же наслаждаешься видами?

- Да. Это... успокаивает.

- Знаю. Меня тоже. – Якуб подтянул колени под подбородок, охватил их руками. – Сегодня я потерял десять человек. Больше, чем за последние четыре месяца. Некоторых знал еще с детства, вместе росли в приюте... Сегодня ночью будем бухать, колоться, петь и танцевать. Может, разожжем костры. Это уже наши варварские обычаи, племенные поминки, прощание с павшими героями. Ты тоже приглашен.

- Несмотря на то, что это именно я привел сюда этого Т-бота?

- Я разговаривал с парой парней. Они не думают, будто бы он шел за тобой, я тоже так не считаю. Слишком уж быстро он здесь появился, и за тобой тоже не пошел. Быть может, русаки решили наконец-то покончить с "городскими крысами", или же они планируют какую-то операцию покрупнее. Не знаю. Мне известно лишь то, что если бы ты не вернулся, было бы намного хуже. Могло стать, что пришили бы нас всех. Большинство желает, чтобы ты остался.

Солдат покачал головой.

- Ну, не знаю...

- Подрихтуешь язык, избавишься от акцента, устроим тебе левые документы. Через пару месяцев сможешь идти к американцам – как наш, а не как русский дезертир. Твоя девчонка тоже останется. Мы о ней позаботимся.

- Это очень щедрое предложение, комендант.

Якуб покраснел.

- Тут дело не в том, чтобы иметь в отряде еще одного хорошего бойца. Видишь ли, Михал, когда Т-бот нас атаковал... я... мне казалось... будто бы это твои делишки, что ты пришел сюда шпионить, а потом каким-то макаром дал знать своим. Я, холера, мне как-то стыдно... Ну... и спасибо, что вернулся, пан Сенкевич.

Михал пожал плечами.

- Одна из девушек хотела, чтобы я дал ей номер своего телефона. А я забыл во всем том балагане, так что решил вернуться.

- Это какая же?

- Высокая такая чернушка, подстриженная под ежик.

- Мыша. Ага. Правда, уже полгода она ходит с Баськой, но в последнее время за что-то поссорились. Ну а ты со своей бабской красотой... так что она могла начать клеиться и к тебе...

Улыбка Михала была широкой и сердечной.

- У меня вопрос.

- Валяй.

- Откуда у вас весь тот бункер? Мониторы, камеры, оборудование? От американцев?

Якуб презрительно фыркнул.

- С самого начала войны я видел всего нескольких, хотя они остановились всего в паре километрах отсюда. Их позиции, это, прежде всего, автоматизированные боевые посты и окопавшиеся роботы. Не рассчитывая на героических янки, которые станут штурмовать русские позиции. В первую очередь пойдут наши, та, так называемая, Первая Польская Армия. Вот потому вся эта "странная война" и продолжается, американцы хотят вначале натренировать достаточное количество пушечного мяса. Думаю, до весны будущего года они с места не стронутся, разве что договорятся с русскими за нашими спинами. Не первый раз.

- Ага. А мой вопрос?

- Сами сделали, это не проблема. Мы применили сотни небольших камер и старую интернет-сеть. Часть световодов подтянули сами. Теперь мы можем взглянуть на все, что происходит в городе в радиусе трех-четырех километров. Поэтому-то мы так быстро тебя и нацелили.

- Здорово. Можно спросить еще?

- Хочешь знать все, прежде чем завербоваться? – Якуб криво усмехнулся. – Мы не платим жалования, разве что самогонкой. Но если бухаешь сильно, идешь на лечение или вылетаешь. Можешь потянуть травки, но кроме того, никакой амфы, "голубой дамы" или другого дерьма. Оружие и подобные мозгоёбы в паре не идут. Каждый обязан работать, делать что-нибудь полезное, разве что ты болен или ранен. Девчонки сами выбирают, с кем хотят быть; если тебе решение какой-то из них не понравится, стискиваешь зубы и ведешь себя вежливо. Во время боя слушаешься командира своей группы или главнокомандующего. Если сбежишь, струсишь, изменишь – лучше не возвращайся. В любой момент можешь уйти к американцам. Что-то еще?

- В общем-то, все. Но я не понимаю одной шутки, если только это шутка. Почему, когда одна из девчонок сказала сегодня, что у нее от страха поджилки трясутся, так вторая стукнула ее по голове, а все смеялись? Когда же еще одна сказала, что у страха глаза велики, так тоже ржали? Это ведь не смешно.

- Прикалываешься?

- Нет. Я на самом деле не знаю.

Якуб подозрительно поглядел на русского. Сплошная откровенность, псякрев.

Он протянул руку.

- Это я еще как следует не представлялся. Моя фамилия – Страх. Якуб Страх.

Несколько воробьев всполошенно взлетело с ближайшего куста от громкого хохота.

\* \* \*

Разбудило его легкое прикосновение. Он тут же открыл глаза, полностью настороженный и готовый к действию.

- Пан Мариан... – шепот в темноте всегда кажется более тихим, чем в действительности. В особенности, детский шепот.

- Марек? – он поискал лампу, зажег. – Ага, и остальные мушкетеры. Вы почему не спите? Майя? Майка, что случилось? Ты почему плачешь?

- Это из-за Кармен, Асии... Они...

- Знаю, дети, знаю. Иногда рыцари проигрывают драконам, – он осторожно обнял девочку и прижал к себе. – Сегодня вас положили спать пораньше?

- Ага. Сказали, что мы должны отдохнуть.
- И они были правы. Сон – это лучшее лекарство.
- Расскажите нам, что было дальше.
- Что? А... историю. Сейчас? Посреди ночи?
- Да, - глаза Марека, точно так же, как и у остальных детей, блестели в темноте. – Мы и так сегодня быстро не заснем.
- Ладно уже, но немного, потому что история начинает делаться паршивой...

\* \* \*

Тризна. Варварская тризна в честь павших. Не Дзяды<sup>6</sup>, никто не плачет и не рвет волосы на голове – но танцы, песни, выпивка, обжорство, секс. Словно оставшиеся желали пережить наилучшие моменты – за тех, что ушли. И предложить им такие на добрый путь. Воспоминание о приятных вещах и забавных моментах.

- А помните, как Паук поссорился с Малым?
  - Ну да. Под конец заорал: "иди ком не на хуй"!
  - После чего целый день мочил яйца в холодной воде...
- Смех, от всего сердца, радостный.

Михал прохаживался между кострами. Чувствовал он себя прекрасно. Намного лучше, чем когда-либо за последние годы. Почти как дома.

- Выпей! – стукнул его кто-то по плечу и сунул в руки бутылку. – Выпей с нами, ты, русский сукин сын!

В голосе не было и намека на оскорбление, наоборот, нечто вроде уважения. Михал принял фугас, чокнулся стеклом о стекло, сделал глоток. Крепкая. Хорошо. В самый раз для тризны.

Он отправился дальше, обходя кружки людей у костров. Пока что ему не хотелось присесть к какому-либо из них, просто хотелось пройтись, порадоваться моменту.

Она столкнулась с ним совершенно случайно. Вроде бы. Они столкнулись, и он уже глядел ей прямо в глаза. Огромные, карие, глубокие.

- Спасибо, что вернулся, Михал, - шепнула она. – Если бы Куба погиб, я... даже и не знаю, что бы сделала. Все бы тут пошло к чертовой матери.

Парень почувствовал, что краснеет.

- Да не за что.
  - Есть за что. И ничего не говори. Добро пожаловать домой.
- Дом. Три буквы – и столько значений.
- Я... – неуверенно начал он.

А ее уже и не было. Убежала, исчезла в темноте. Тут же он увидел, как она подходит к ближайшему костру и садится рядом с Якубом. Они обнялись, поцеловались. Черт!

\* \* \*

- Да, дорогие мои. Королева глянула на первого вассала, он взглянул на нее, и неожиданно весь мир затаил дыхание, утих ветер, умолкли ручьи, реки и моря, насекомые и звери. Весь мир застыл на мгновение, когда же его вновь наполнили звуки, ничто уже не было таким, как раньше. Потому что случилась измена.

- Измена? Так ведь они только поглядели друг на друга.

- Видишь ли, Майя, измена – это не обязательно, когда кто-то кого-то обманывает, мошенничает или... ну, для этого вы еще слишком маленькие. Самая страшная такая измена, которую совершаешь в мыслях, - он поглядел куда-то в темный угол. – В любви самое позорное – это неискренность.

\* \* \*

Она пришла к нему уже далеко за полночь. Костры уже почти догорели, едва смягчая мрак багровым заревом. Большая часть принимавших участие в пиршестве перебралось в жилища в доме или рядом с ним. Наиболее укушавшиеся дрыхли прямо на земле. Где-то в темноте какая-то парочка хрипло дышала в ритме своего частного забытья.

Он был сам. Сидел у погасшего костра, опьяненный самогоном и найденным через столько лет чувством принадлежности. Детский дом в Белоруссии он пережил с этикеткой "проклятого полячка", презираемого как воспитателем, так и воспитанниками. За четыре года шесть раз ему ломали ребра, семь раз – пальцы, он потерял пять зубов, у него имелась

---

<sup>6</sup> Дзяды - (вост.-слав.) - духи предков. Обряд почитания дзядов совершался на седьмой день после Пасхи (семуха, весенняя радуница или пасха усопших) или осенью (большие осенины, дедова неделя). В эти дни в жертву покойникам приносили пищу. Жертвенную пищу относили на кладбище или приглашали Д. на угощение в дом и посвящали им первую ложку или первый стакан, выливая их под стол или ставя за окно.

В 1820 году Адам Мицкевич написал поэму "Дзяды". В ее второй части, в основном, описывается празднество в честь покойников в местности, которая сейчас является Белорусью, по обычаям, разработанным и популярным среди русинов и литвинов (не жемайтов! – коренных обитателей севера нынешней Литвы) во времена Речи Посполитой Польши и Литвы - Википедия и прим.перевод.



трещина в нижней челюсти и черепе. Синяков и ожогов от сигарет он и не считал. Всякий раз в больнице он говорил, что упал с лестницы. Если бы сказал что-нибудь другое, после возвращения в приют не пережил бы и дня.

Здесь было иначе. Этой ночью много раз он с кем-то выпивал, много раз его хлопали по плечу, шутливо подталкивали, его обцеловывали девушки, а один раз – какой-то сильно выпивший парень, который, сориентировавшись в ошибке, сбежал в темноту. Никто и не пытался наплевать на него, сбить на землю, пинать ногами. Три девушки сделали ему весьма конкретные предложения. Он отговорился раной на бедре, и все выглядели разочарованными. Зато все они сообщили ему, где будут спать. Вспоминая об этом, он улыбался.

Он услышал шелест, и кто-то присел рядом.

- Устал?

Это была она, девушка Якуба.

- Немного, - хорошо еще, что ночь давала повод для шепота, в противном случае, голос бы задрожал.

- Я тоже. Долгий был день; за сегодня произошло больше, чем за последние три месяца...

- А мне казалось, что у вас так чуть ли не каждый день...

- Каждый день деремся с Т-ботами и теряем друзей?

Михал поблагодарил судьбу, что она не увидит, как он краснеет.

- Прости, - шепнула она и коснулась его руки. – Иногда случается, что болтаю языком как сорока, особенно, когда устану. Я плохая девчонка из колонии, и по-другому не могу.

Он почти не слышал, что она сказала, ее прикосновение было словно удар током.

- Я и не... не сержусь. Я и сам иногда не думаю, что говорю.

- Я рада, что ты вернулся... тогда... Я же все видела в бункере, - вздохнула девушка. – Лукаш уже готовил в бой очередные группы, а я знала, что все это ничего не даст. Что пока все будут готовы, робот всех приберет. А ты их спас.

- Да не преувеличивай ты с этим спасением. Они прекрасно справлялись и сами. Я серьезно, даже профи не провели бы лучше.

- Скромный ты наш.

Их ладони все так же касались одна другой. Михал чувствовал нарастающий шум крови в висках.

- Вернулся и все, - буркнул он и отодвинулся. – И не о чем говорить.

- Есть о чем, - девушка присела поближе. – Холодно?

Собственно говоря, только сейчас он почувствовал, что и вправду холодно. Очень холодно.

- Немного.

Девушка прижалась и набросила на них обоих одеяло.

- Почему, как я сюда пришла, ты ни разу на меня не поглядел?

- Боюсь.

- Боишься? Ты?

- Не издевайся, - исходящее от нее тепло было словно пламя, словно жар. – Боюсь, что гляну раз и уже не смогу перестать глядеть. Боюсь, что я пьян, и стану пытаться тебя обнять и поцеловать, нет... что буду пытаться тебя обнять и поцеловать, оправдываясь тем, что пьян. А вот теперь боюсь, что ты встанешь и уйдешь, а я останусь здесь сам, и буду исходить слюной. Боюсь, что завтра не смогу глянуть в глаза тебе... вам, тебе и Якубу. Потому что ведь ты...

- Его? – тихо спросила она. – Как же часто мужики путают пребывание вместе с правом собственности. Я не принадлежу ему, а он – мне. Мы вместе, а это нечто иное. И... я тоже боюсь... Точно того же, что и ты, Михал.

- Ох...

Прежде, чем он успел сказать чего-нибудь разумного, она забрала одеяло и исчезла в темноте.

\* \* \*

- И все же, упадок короля и уничтожение его страны не были вызваны изменой королевы.

- А чем же?

- Жадностью, стремлением ко власти и правлению. Желание овладеть могущественным магическим предметом, обладающим властью над жизнью и смертью. Да, ребяташки. В те времена много еще было подобных артефактов... магических предметов, то есть, мечей, щитов, копий, доспехов и многих других.

- А тот предмет? Как он выглядел? Как меч?

- Нет, как котелок. Словно обычный, железный котел. Рыцари короля разыскивали его уже много лет, желая использовать силу этого предмета, чтобы творить добро. Но когда нашли, оказалось, что сила его пробуждает в людских сердцах самые черные чувства.

Он прервал рассказ, поочередно поглядел на каждого из детей. Глаза их вновь горели темным, внутренним светом.

- На сегодня хватит, малыши. Вижу, что заснете прямо вот так, на ходу. Закончим наш рассказ завтра.

- Обещаете?

- Обещаю.

\* \* \*

- Куба! Куба, ты не поверишь, что мы нашли в останках Т-бота.

Якуб раскрыл глаза.

- Твоя рожа, Лукаш, не самый лучший вид для начала дня, - прохрипел он. – Тем более, с такой похмелью.

- Гляди!

Лукаш положил на столе нечто, похожее на перевернутый вверх дном вокмен. Штука обладала серой поверхностью и несколькими светодиодами с нижнего края. Якуб встал с кровати, натянул одеяло на лежащую Каську. Вело девчонке, она могла дрыхнуть даже во время артиллерийского обстрела.

- Подобные я уже видел. Стандартный бронированный колпак центрального блока. А ты чего ожидал? Капустного кочана? И вообще, откуда это у тебя?

- Это наш вчерашний Т-бот. Ночью не мог заснуть, так что взял трех ребят, и мы пошли его выпотрошить, пока кто-нибудь не свистнул у нас части из-под носа. Сняли плиты кожуха, а центральная часть вскрыта словно консервная банка – и в середине вот это. Гляди.

Рядом с колпаком Лукаш поставил ноут, соединил оба устройства кабелем. На экране пробежали ряды схем, затем появилась надпись: READY<sup>7</sup>.

Оба всматривались в экран, словно загипнотизированные.

- Ты чего, тюльку гонишь, правда? – Якуб, сам того не желая, заговорил шепотом. – Посмеяться решил.

- Нет. Холера, нет. Я и сам не мог поверить и потому пришел к тебе, чтобы убедиться в том, что это правда.

- На другом оборудовании проверил?

- Три раза. Он живой. Долбаный проц к Т-боту живой!

Они глядели один на другого и скалились словно придурки.

Процессор к российскому Т-боту был наиболее разыскиваемым и желанным оборудованием. Американцам не удавалось расколоть принципа действия центра управления этих двуногих боевых роботов, а всякий раз, когда удавалось уничтожить или повредить какой-нибудь Т-бот, система автоматического уничтожения превращала содержимое бронеколпака в горелый сплав. Наиболее фантастические слухи говорили о сети людских нейронов, умножаемых в пространственной, наноалмазной сетке. Якобы, благодаря этому, Т-боты и были такими грозными, к тому же они обладали способностью обучения новой тактике в ходе боя, по месту, словно живой, разумный организм. После вчерашнего столкновения Якуб уже не мог сказать, что это байда. За этот ценный процессор американцы дали бы все, что угодно.

- И сколько может он стоить?

Куба пожал плечами.

- А сколько ты хочешь запросить? Заплатят любые бабки. Пять лимонов, десять, пятьдесят. Заберут тебя на частном реактивном самолете в Штаты, посадят, где тебе только захочется, и дадут полный чемодан бабла. Или счет в крупнейшем банке.

- Это ключи к раю.

- Ну да. Ключи к раю.

\* \* \*

- А вы что же? Вот так, без завтрака. Сразу за работу?

Четверо детей глядели на него молча, с серьезностью, не типичной для своего возраста. Он погасил улыбку.

- Что-то случилось?

- Мы хотим знать, чем закончилась история, пан Мариан.

Он подошел к верстаку, на котором лежал разобранный калашников. Вытер руки тряпкой.

- А сами вы как думаете? Как должна она закончиться? Самому мне кажется, точно так же, как всегда, не так?

Марек слегка кивнул.

- Это как?

- Вы помните, чем закончился рассказ? Ну конечно же, помните. Так вот, королевские рыцари нашли волшебный котел, способный дать им счастье и радость, а королева и первый вассал влюбились один в другого. Вот же что получилось, правда? Только влюбленные скрыли ту любовь глубоко в своих сердцах, ведь оба любили и уважали юного короля. Только не могли они навсегда скрыть свои чувства от окружающего мира. Присядьте-ка вон там, на ящиках с патронами. И я тоже присяду, потому что старенький я уже. При дворе был принц, племянник короля, амбициозный и гордый молодой человек. До момента появления первого вассала он был самым главным в замке, он был официальным наследником повелителя. Но вместе с появлением чужака, позиция принца сделалась слабее. К тому же, сердце его точило желание обладать волшебным котлом. Ревнуя к конкуренту и желая обладать властью над магическим предметом, он только и ждал случая, чтобы добыть котел и королеву, а так же избавиться от первого вассала...

\* \* \*

Собрались они в бывшем клубе. Якуб, Лукаш, Михал, командиры групп, еще несколько человек, образующих стержень их небольшого общества. Все они стояли вокруг стола, глядя на броневую купол, извлеченный из Т-бота.

- Во, блин, курва, - шепнул Горячка.

Лукаш только что объяснил всем, что это такое. Пока что это был единственный комментарий.

Якуб решил несколько разрядить атмосферу.

<sup>7</sup> Готов (к работе) (англ.)

- У кого какие идеи? Потому что попытка извлечь проц, что, похоже, хотел предложить нам Горячка, заранее обречена на неудачу. Там нет ни единой дырки.

- Хочешь сказать, ты уже искал?

Среди собравшихся можно было слышать нервные смешки. Атмосфера сделалась не такой напряженной.

В комнату вошла Каська, подошла к Якубу, прижалась.

- Лукаш мне сказал.

- Хорошо, - поцеловал он ее в лоб. - У нас тут небольшая загвоздка.

- Какая еще загвоздка, Куба? - отозвалась Мария, самая старшая из присутствующих здесь, учительница на пенсии. - Продадим его американцам и больше ни о чем уже не будем беспокоиться. Денег хватит на все, вплоть до освобождения.

Якуб открыл рот...

- Все не так просто, пани Мария, - опередил его Горячка. - Мы не можем к ним просто вот так отправиться. Мы...

- Мы словно нищий, который нашел на улице бриллиантовое ожерелье, - согласился с ним Лукаш. - Что мы можем сделать? Американские процедуры нам известны - мы сообщим Гревверсу, он тут же доложит в штаб, потом информация пойдет в разведку, те захотят все перепроверить и спросят у наших, наши сами захотят наложить лапу на проце, поэтому вышлют каких-нибудь агентов, американцы - своих. Наделается шуму, так что узнают русские, а тогда...

- Похоже, я уже понимаю, что ты имеешь в виду, - бывшая училка мягко улыбнулась. - Так что сделаем?

Лукаш одарил ее мрачным взглядом.

- Прежде, чем мы что-либо постановим, - медленно произнес он, - нужно решить, почему этот русский сукин сын стоит здесь и явно чувствует себя словно в собственном доме.

Ледяная тишина разлилась из его слов и заполнила комнату.

- Повтори, - Горячка наклонился вперед, открывая зубы в неприятной гримасе.

- Я спрашиваю, почему эта русская манда стоит вот здесь и знает наш самый большой секрет.

- Потому что, - Горячка положил руку на кобуре, - он был там вчера с нами и дрался. И если бы не он, мы бы тут сейчас не стояли. Он имеет право.

- Не сомневаюсь, что имеет. И массу других прав. Он сам их себе признал, не так ли?

Лукаш повернулся к солдату.

Якуб трахнул ладонью по столу.

- Хватит! Что с тобой, Лукаш?! Что ты против него имеешь? Вчера он был с нами, сражался с Т-ботом, он знаком с методами действия российской армии.

- Мне они тоже знакомы. И мне известно и то, что если русаки узнают, что у нас имеется этот процессор, то вышлют сюда все, что у них имеется, даже если бы для этого пришлось втянуть в бой американцев. Направят сюда артиллерию, авиацию, боботов, а потом еще для уверенности ёбнут сюда ядреную бомбу. Вы все это знаете. И, собственно, ничего я против него не имею, ты, видно, тоже, раз позволяешь ему зажиматься с Каськой. Если бы я знал, что именно такая награда ждет за уничтожение Т-бота, сам бы подставил шею.

- Ах ты сволочь, - Каська рванулась вперед, Якуб в последний момент схватил ее за руку. - Выпердок недоёбаный!

- Может и так, золотце, - лицо блондина искривилось в иронической усмешке. - Но как, в таком случае, ты назовешь себя?

\* \* \*

Из тени возникла чья-то фигура. Мариан прервал рассказ и пригляделся.

- Я тебя не знаю. Кто ты такая?

- Она не разговаривает, пан Мариан. Только вчера пришла к нам. Вместе с тем новеньким.

- Ах, с нашим русским приятелем. Как ее зовут?

- Мы не знаем, она ничего не говорит, только лекарства получает.

- По глазам вижу, зрочки как блюдца. Хочешь послушать рассказа?

Девушка пристроилась на каком-то ящике.

- Ну хорошо, рассказываю дальше. Молодой принц воспользовался оказией, чтобы обвинить королеву и первого вассала...

\* \* \*

- И у тебя есть нечто большее, чем просто слова?

Якубу пришлось поднять голос, чтобы перекричать нараставший гомон.

- Наши голубки забыли, что вокруг полно камер. У меня все записано. Ты отправляешься спать, а она остается. Подходит к нему, присаживается, прижимается, набрасывает одеяльце, а ручки под ним летают так, что смотреть приятно... - Лукаш все время язвительно усмехался, вот только глаза у него были странные, чужие, не его собственные. - Потом она поднимается и уходит в сторону. Он какое-то время еще сидит, а потом идет за ней. Больше, к сожалению, не имею. И она была крайне усталой после той ночи, не правда ли?

Каська перестала дергаться. Якуб чувствовал, как все глядят то на него, то на нее.

Ну, скажи же что-нибудь, плохая девчонка из колонии, просил он про себя. Скажи, что этого не было, выругайся, плюнь ему в глаза. Он чувствовал, что сжимает ей руку крепко, очень сильно.

Отзовись же, плохая девчонка. Каська молчала. Якуб поглядел на Михала. Солдат стоял рядом, но уже успел отступить на шаг, на два шага, снова чужой. Он глядел на девушку. Только на нее.

Очень медленно, словно это была не его ладонь, Якуб распрямил пальцы и отпустил руку девушки. На коже остались багровые следы.

- Конец собрания, - тихо сказал он. – Можете разойтись.

\* \* \*

- И что... что было дальше?

Все глянули на девушку.

- Говорит... По-польски.

- Я чего ты ожидал, Кшись? Рот у нее есть, вот и говорит Майя, тебе интересно?

Та кивнула.

- Так вот, мои дорогие, слова могут ранить сильнее меча и убивать словно разъяренный дракон. Те несколько слов, брошенных в тронном зале, уничтожили мир молодого короля, отобрали желание жить и силу воли. Рыцари, верные королю, сцепились в бою с теми, кто поверил принцу. Очень многие пали на поле боя, другие сбежали. В великой битве на конце времени чудес король, принц и первый вассал поубивали друг друга, королева укрылась в монастыре, а волшебный котел исчез, и никто больше его уже не нашел.

- Но...

- Что, Майя?

- Но, пан Мариан, мы... нам не хочется такого рассказа. И почему все так быстро?

- Милые мои, - мужчина поднялся. – Некоторые истории нужно рассказывать быстро, в противном случае, они теряют смысл. Кроме того, пани Мария наругала бы меня, если бы ей стало известно, как я тут угощаю вас описаниями кровавых битв и резни. Пускай уже все это закончится таким образом...

\* \* \*

- Куба! Куба, черт подери! Открывай! – стук в двери казался ему каким-то отдаленным, абсолютно неважным делом. Как будто в его двери никто и не ломился.

Он сидел в пустой комнате на матрасе и пялился в стенку. Где-то в груди, за грудной костью, кто-то, некая сила поместила кусок льда, который никак не желал таять.

Напротив, на стене висело зеркало. В нем он видел худощавого парня в слишком большом, плохо подогнанном мундире, сидящего по-турецки на матрасе и вертящего в руке пистолет Glock. Тип этот выглядел совершенно незнакомым.

Разговора с Каськой, собственно говоря, и не было. Это правда? – спросил он, когда они остались одни. Она ничего не сказала, не покачала отрицательно головой, не изрыгнула матов, не расплакалась. В ее глазах... он теперь сам не знал, что было в ее глазах. Боль? Просьба? Признание в вине?

Он не мог вынести того взгляда, развернулся на месте и вышел. Когда уже был на лестнице, показалось, будто бы она позвала его по имени. Всего лишь раз.

А теперь Куба не мог вынести взгляда парня из зеркала, потому вытянул руку и выстрелил в него. Осколки разлетелись во все стороны.

- Выстрел! Курва, стреляет! Выбиваем двери! – что-то грохнуло в дверную коробку раз, другой, третий. На четвертый раз замок не выдержал, в комнату влетели Горячка, Диджей и Карчихо.

- Жив, - удовлетворенно сообщила девушка. – Только зеркало расхайдакал.

- Хорошо, что не лоб. Двигай задницей, Куба. Ты нам нужен.

Якуб медленно обвел каждого из них взглядом. Все было каким-то странным, нереальным, чужим; он чувствовал шум в ушах, не мог сконцентрировать взгляда, как будто вот-вот его свалил грипп, словно пришла горячка и первые судороги.

- Лукаш забрал проц с Т-бота и смылся. С ним пошли Дикий, Бодек и полтора десятка других. Каська у них.

- Что это значит, - сглотнул он слюну. – Что это значит: "Каська у них"?

- В качестве заложницы. Старуха Вертыкова видела, как вели ее под угрозой оружия. Они направились к расположению американцев. Это им придется пройти через развалины вокзала, через старый парк и мимо пруда.

- Ага. – Все так же мысли его окутаны туманом; он чувствовал, что следует собрать всех людей и броситься в погоню, встать против Лукаша и заплатить ему за измену. Чувствовал, что должна пролиться кровь. Много крови.

- Якуб, - Карчихо пошла к нему, наклонилась, схватила за подбородок и осторожно повернула к себе. – Якуб, уже три часа прошло, а все здесь уже идет ко всем чертям. Люди не знают, что им думать, что им делать, все ожидают приказов. Мы не знаем, нужно ли отправляться за Лукашем, чтобы отобрать процессор или отбивать Каську. Нужно ли эвакуировать женщин и детей? Будем ли мы стрелять друг в друга? В Лукаша? Будека? В парней? Ты нам нужен, комендант.

Кровь, повсюду столько крови, он практически чувствовал ее запах. Карчихо, с головой отстреленной бронебойной пулей. Горячка, разорванный на клочки разрывом гранаты. Диджей, кричащий что-то высоким голосом, что совсем уже сюрреалистично, потому что вместо лица у него кровавая каша. Пришпиленный очередью из калаша к стене Дикий; Бодек с оторванными руками, Лукаш...

Лукаш прямо перед ним, держащийся руками за ствол винтовки, остановленный на полушаге, на бегу; та винтовка – это его винтовка, Якуб держит ее в руках и знает, что двадцатисантиметровый штык, вонзенный в живот Лукаша, должен доставлять адскую боль. Боль должна быть адской, тем не менее, блондин тянется к кобуре, вытаскивает пистолет и...

Он захлопал глазами. Парк, пруд, ну да, именно над прудом, неподалеку от воды. Они подождут. И почти что слышал в ушах плеск волн, бьющихся о берег... озера?

\* \* \*

Вчетвером они уселись посреди пустой комнаты. Уже долгое время никто не обращал на них внимания. Дом наполнился криками, беготней и хаосом. Случилось что-то плохое, а про них, явно, все позабыли.

- Не хочу я, чтобы тот рассказ закончился именно так. Никогда я уже не стану просить рассказать какую-нибудь историю!

Для своего возраста Вероника была весьма решительной особой.

- Я тоже не попрошу.

- Ну...

- А вы хотите узнать другое окончание той истории?

Одновременно они поглядели в сторону двери. То была она, девушка Михала. Никто из них не имел желания знакомиться с кем-то настолько старшим. Тем не менее, было что-то в ее глазах и голосе, какая-то наполовину высказанная просьба, так что, после нескольких секунд колебаний все четверо согласно кивнули головами.

- А ты знаешь другое окончание?

Марек подвинулся и дал ей место.

- Да. Только это вы сами должны его рассказать, - она присела между двумя девочками. – Окончание будет таким, каким вы сами его выдумаете.

- Правда?

- Конечно.

- Пускай они все помирятся, - Вероника расцвела широкой улыбкой.

- Да. Пускай королева вернется к королю, а вассал влюбится в какую-нибудь другую девушку!

- Ага. И принц тоже с ними помирится.

Девушка слегка улыбнулась, одними уголками губ. В ее глазах, за завесой расширенных зрачков на мгновение что-то вспыхнуло.

- Ну хорошо, я рассказываю...

\* \* \*

- Якуб! Да очнись же ты, блин! – Карчихо бесцеремонно потрянула его. – Русак исчез. Он что, пошел к своим? Продаст ли он информацию про проц? Может, следует пойти за ним? Мы не знаем, что делать! Это же ты здесь командуешь, черт подери!

Видение исчезло. Снова он был у себя в комнате, сидел на матрасе и сжимал в руке глок. Снова он был собой.

- Нет. К своим он не вернется. Если он желает уйти, такое право у него имеется. Карчихо и Горячка, соберите группы, отправляемся за Лукашем.

Горячка лыбится.

- Пришьем суку.

- Нет, - Якуб и сам удивляется неожиданности собственной реакции. – Никаких убийств. Сначала поговорим.

\* \* \*

Мужчина, которого называли паном Марианом перестал собирать в подвале американскую М-38 и замер. Вдруг на его лице появилось изумленное выражение. Он бросил обойму, которую держал в руке, и помчался вверх, перескакивая по три ступени за раз. На ходу он вырвал из кобуры пистолет.

В комнату он влетел в тот самый момент, когда девушка заканчивала.

- ...и тогда король простил принца, ведь его сердце...

- Стой! Прекрати!

Та повернула к нему глаза, в которых пульсировал свет.

Он выстрелил с бедра, целясь прямо в сердце. В закрытой комнате выстрел прозвучал оглушающе, дети вскрикнули, плясая на него перепуганными глазами. Это был уже не их пан Мариан. У этого мужчины было дикое лицо, зубы обнажились в бешеной гримасе, и он целился в них из пистолета. Палец дрожал на крючке.

- Ах ты, сука, - рявкнул он.

Подошел к лежащей девушке и пнул ее ногой в лицо.

- Выходит, ты здесь укрылась? Думаешь, что выиграла? – заговорил он на языке, которым никто не пользовался уже тысячу лет. – Думаешь, раз круг достался тебе, и раз ты сплела другой рассказ, то нарушила заветное?

Он помахал пистолетом у нее перед лицом.

- Новые времена, новая магия, милая моя. Уверю тебя, что над илистым прудом они еще раз перебьют один другого в бою, а наша королева очутится в лагере для беженцев, где ей придется собственной задницей зарабатывать себе на

кусоч хлеба. Нет, не умирай еще, - он склонился ниже, говоря все скорее, по мере того, как сознание уходило из ее глаз. - Быть может, они и идут туда сейчас, чтобы помириться, как тебе хотелось, но ты сама как думаешь? Бросятся ли они друг другу в объятия, когда один из них падет, - тут он снизил голос, - от случайной пули? Ты проиграла, снова проиграла, и я хочу, чтобы, умирая, ты об этом знала. До следующего раза, ведьма.

\* \* \*

Он вскочил в оружейную комнату, сейчас пустую, и бросился к стойке с оснащением. Винтовка Драгунова была его любимым оружием, простая и безотказная. После этого он начал подбирать и другое снаряжение: жилет, несколько гранат, шлем, боеприпасы, фляжка с водой, несколько пакетов с пищевыми рационами. Сюда он уже не вернется, придется пробираться к американцам. Быть может, попадет в какой-то лагерь, но это было мало вероятно. Хорошему механику нечего беспокоиться о пропитании. Какие бы не стояли времена, какие бы не правили обычаи.

А когда круг замкнется, когда прольется кровь, а сила, рожденная рассказом и жертвой, наполнит его жилы... Он коснулся седой щетины, поглядел на ладони, на которых появились первые печеночные пятна. Все это исчезнет, снова ему будет лет двадцать-тридцать. До следующего раза...

Он почувствовал чье-то дыхание на шее, худая рука охватила его в пояс.

Она прильнула к нему всем телом.

- Мирддин Эмрис, - выкашляла она имя, оплевывая его капельками крови. - Мерлин, Мариан. Изменник, пытавшийся захватить все могущество для самого себя.

Грохот крови в ушах на мгновение отобрать способность мыслить. Он же попал ей прямо в сердце, умерла у меня на глазах. Она же читала его мысли:

- И на глазах тех детей. Но, милый мой, тебе же известно мое прозвище. Воды всегда были моим союзником, - наперла она животом на его поясницу. - Даже если то всего лишь плодовые воды. Тебе следует целиться значительно ниже.

Он понял.

- Чего ты хочешь?

- Покоя... смерти... ты же знаешь... Не хочу я раз за разом воскресать, закланной в кругу чужой истории. Сколько раз это уже было? Сколько раз ты наново сплетал ту историю, чтобы змея укусила свой собственный хвост. Король, королева, юный наследник; вассал, позволивший себе слишком многое... Любовь, ненависть, верность, измена. Раз за разом... Столько мест, столько времен... Столько людей.

Она говорила все тише, пока наконец не замолчала, практически повиснув у него на спине. Его правая рука начала красться к кобуре. Бросил взгляд на живот, на котором лежала ее рука, и застыл.

- Да, - услышал он улыбку в ее голосе. - Вот тебе дилемма. Если не выйдешь отсюда в течение нескольких минут, они получат свой шанс, и, возможно, история пойдет другим путем. А у тебя нет достаточно силы, чтобы попытаться заплести ее еще раз.

Она стиснула пальцы на кожухе гранаты, так что побелели косточки. Чека висела на кольце, надвинутом на большой палец будто мрачное, черное обручальное кольцо.

- Это твоя вина, - сказал он быстро, чтобы дать ей шанса на отчаянный шаг. - Тогда, над озером, в последний день старого мира, ты должна была поддержать меня, а не бросаться в бой.

- Чтобы что, милый? Чтобы полубог и богиня вместе владели остатками старого, противясь новому? Но наша сила слабела, помнишь? Могущество, заколдованное в людской вере, в рассказе, в истории... Были времена... времена, когда наши истории слушали десятки тысяч человек, собравшихся возле каменных кругов, и глаза их пылали в темноте словно фонари. Благодаря их вере, мы творили чудеса и удивляли всех летающими замками, бронированными драконами, рассекающими скалы мечами и котелками, всегда наполненными едой. Могущество веры... ничего нет сильнее под звездами. И что тебе со всего этого осталось? Четверо малышей, поверивших в сказки...

- Ты могла поддержать меня, тогда, над озером, когда вся та банда глупцов набросилась друг на друга, - быстро начал он, не отрывая взгляда от ее ладони. Пальцы, прижимающие рукоять к корпусу гранаты, дрожали. - Могущество котла и могущество озера могли удержать безумие.

- Ну да. Котел. Ты желал его иметь более всего. Власть над смертью, вечная жизнь. Ты этого желал, более всего. Для того ты и подсунил Артуру идею поисков. Сам бы ты людей за ним не послал, потому что на голове у тебя были саксонцы.

- Но это твоя вина, - прошипел он.

- Моя? Почему же? Потому что я тебе воспротивилась? Могущество котла против могущества священного озера. И родился вихрь, который поглощал все и вся. Но это ты придал ему направление... Сколь долго цикл повторяется, сколь долго змея кусает собственный хвост, столь долго ты и я существуем, правда? Помнишь последнюю битву? Когда ты стоял над берегом озера... держа в руках окровавленный королевский меч? Когда вся твоя мечта о спасении старого мира, о том, чтобы сделаться его богом, легла в развалинах, что ты сделал? То было твоё желание, мой милый...

Она тихо простонала и замолкла. Он внутренне собрался. Если успеет схватить ее за ладонь, не допустит, чтобы та отпустила...

- Ты хотел отвернуть ход времени, чтобы все то никогда не произошло, и чтобы все можно было начать сначала. И ты высказал это желание над озером, в тот самый момент, когда кровь с поля боя смешивалась с его водами. И знаешь что? Змея стиснула зубы на хвосте, но не так, как ты того желал... Все они бредут сквозь время: король, королева, вассал, молодой принц и остальные, повторяя... повторяя собственную жизнь и не имея возможности освободиться. А ты вместе с ними бредешь и вынуждаешь, чтобы раз за разом они разыгрывали историю. Вот почему случилось так, что из всех историй

старого мира эта дожила до нынешнего дня. Ибо люди, тысячи человек видели ее собственными глазами... А ты, всякий раз, пьешь силу, рожденную пролитой кровью, и удлиняешь свою жизнь на несколько десятков лет...

- Рианнон, - назвал он ее древним, очень древним именем.

- Не называй меня так, - крикнула та, брызгаясь капельками крови. - Я научила тебя всему, что ты умеешь, я любила и верила. А ты предал меня, опутал чарами и обрек на бродяжничество сквозь время, ибо Госпожа Озера тоже замкнута в этой истории, даже если и является всего лишь второплановой фигурой. Я... Я уже желаю уйти.

Его ладони молниеносно замкнулись на ее руке. Стиснул ее так, что почувствовал, как ломаются ее пальцы. Она тихо вскрикнула.

- Но еще нет, - сказал он тихо и на удивление спокойно. - Еще не сейчас, моя милая. Сейчас мы стащим у тебя с пальца чеку и ладненько так вставим ее назад, хорошо?

Она засмеялась ему прямо в ухо.

- Не удастся.

Он застыл.

- Что?

- Не удастся стащить чеку гранаты большим пальцем руки, которой ту же гранату держишь. Это ты должен знать.

Та чека вот от этой...

И она показала ему другую руку.

- Быть может, они и перебьют один другого над тем прудом... но то уже будет их выбор... испытание дружбы и верности. И никаких оплетающих их историй. Теперь они будут свободны.

- Госпожа...

- Тиин... Как ты обычно говоришь, милый? - шепнула она. - Самое позорное в любви - неискренность?

Она отпустила гранату и изо всех сил прижалась к нему.

\* \* \*

Догнали их быстрее, чем можно было ожидать. Лукаш стоял в развалинах вокзала сам, без оружия, если не считать пистолета в кобуре. Его людей нигде не было видно, только Якуб знал, что где-то они имеются. Парой жестов он приказал своим рассеяться среди руин.

Подожел к блондину.

- Если я скажу, будто не знаю, зачем ты это сделал, это что-нибудь изменит?

Блин, не этого он ожидал. Не от Лукаша.

- Немного, но кое-что - это точно, - ответил он, разглядываясь по сторонам.

- Куба... я...

Только сейчас Якуб пригляделся к нему повнимательнее. Лукаш был бледен, у него тряслись руки, он вспотел.

- Куба, я не знаю, что со мной творилось... Сегодня, вчера вечером. Когда ты разрешил остаться тому русаку, я вдруг почувствовал, словно бы тот был важнее меня, как будто бы он должен был занять мое место, - он охватил себя руками, словно вдруг ему сделалось холодно. - Сегодня утром я соврал... Про него и про Каську. Я хотел... ну, не знаю, накачать вас... тебя... ее и его... И я повел себя как последняя сволочь.

- Вообще-то, следовало бы, - Якуб не глядел на блондина, только на винтовку, которую держал в руках. - Мне следовало набить тебе морду. Следовало бы отпинать тебя так, чтобы ты высрал собственные почки, хуй ты долбаный. А потом мне следовало бы пойти к Каське и позволить ей сделать с собой то же самое. Потому что я тебе поверил, потому что не встал рядом с ней, потому что, курва - мать ее ёб, я сам не знаю, что со мной случилось. С ней ничего не случилось?

- Ничего.

- Вы хотите уйти или вернуться?

- Разве у нас есть выбор?

Движение! Слева! Якуб бросился на землю, разыскивая стволом цель. Краем глаза он зарегистрировал, что Лукаш делает то же самое.

- Не стрелять! - заорали они одновременно.

Из моря развалин перед ними появился силуэт.

- Эй, вы! Не стреляйте.

Михал?

Поднялись оба, одновременно опустили оружие. Михал приблизился к ним с неуверенной усмешкой.

- Куба...я...

- Заткнись. Я уже все знаю. Что ты тут делаешь?

- Я... - Михал покраснел до самой макушки. - Я чувствовал, что обязан идти помочь Каське. Куба, мы не...

- Знаю. Ничего не говори. Лукаш, приведи ее.

Блондин потупился.

- Только, Куба...

- Чего... - он был настолько измучен и зол, и, одновременно, вопреки всему, чертовски, абсолютно счастлив. Шум озера, который долгое время заполнял его голову, затих.

- Ты же не дашь ей сразу оружия, правда?

Он рассмеялся во все горло, за ним Михал, к ним присоединился Лукаш. Они хохотали, стоя среди развалин, а близкий пруд чмокал сонными волнами о берег.

Роберт М. Вегнер – дебютировал в 2002 году в 19-м номере "Science Fiction" рассказом "Последний полет Ночного Ковбоя". Затем были другие рассказы в том же журнале.

Живет он и работает в Силезии, куда, как сам говорит, переехал за госпожой своей жизни, которая тоже прибыла туда из других краев – "И вот так мы и встретились где-то на середине пути".

Рассказ взят из сборника "Молодые волки польской фантастики".  
Перевод Марченко В.Б.